

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Элтэнно. Хранимая Звездой

18+

**Герой из героев
Дело привычки**

История Странника

Элтэнно. Хранимая Звездой
Герой из героев. Дело привычки

«Автор»

2018

Элтэнно. Хранимая Звездой

Герой из героев. Дело привычки / Элтэнно. Хранимая Звездой — «Автор», 2018 — (История Странника)

О маге Тьмы здесь будет слово. Он сволочь, гад и геморрой! Но, хоть ведёт себя борзово, Из всех героев он герой. Приказ от Тьмы исполнит рьяно (так, как не снилось подлецам). Дело привычки без изъяна Служить чудовищным страстям. Его не сковывает слабость, В нём нет добра людских оков. И уничтожить мир – не сложность, Всего лишь пара пустяков. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

38

Элтэнно. Хранимая Звездой

Герой из героев. Дело привычки

Часть I. Дело привычки

В этой части будет много воспоминаний, которые Странник завсегда оставляет при себе, предпочитая никому не рассказывать. Воспоминаний, без которых дальнейшая история не станет полной.

I. Пара пустяков

«Мессинг не должен ошибаться. Мессингу это не простится».
Вольф Мессинг

Глава 1

В памяти всплыло, как я, почувствовав импульс от Хозяев, очертил вокруг себя связующие руны. Затем я опустился на колени поверх соответствующего символа, прикрыл глаза и раскинул в стороны руки ладонями вверх. По всему телу тут же пробежали лёгкие электрические покалывания, превратившиеся в резкую, но стремительно утихающую боль. Моё сознание, хотя сам я фактически оставался на том же месте, где и был, перенеслось в энергетических потоках вселенных ближе к призвавшим меня.

Наверняка другие расы воспринимали Хозяев иначе, но мне, как человеку, удобнее было интерпретировать послания в звук. А потому я услышал их множественные скрипучие голоса, медленно накладывающиеся один на другой и неторопливо продолжающие речь друг друга:

- Вернись к истокам своего рождения...
- Пусть отринувшая Тьму станет смрадом недр земных...
- Подари погибель ей...
- Предсмертный крик наслаждения...
- Выпусти во мрак ничтожную кровь...
- Обретающие в чертоге, да обратятся в плен...
- Остаться никого не должно, кто пребудет в доме её...
- Разрушение и величие смерти – долг служителя...
- Что станет тобою отвергнуто?...
- К чему простираются твои стремления?...

Хозяева ни разу не сказали имени моего задания. Некогда их слуги лишили его эту женщину. Принесли в дар Тьме. Но мне сразу стало понятно, о ком шла речь, потому что в непроницаемой зелёной дымке возник призрачно-белый знакомый силуэт, истаявший и разлетевшийся на множество искореженных лиц-масок, едва стали произнесены последние слова Хозяев.

– Я исполнитель воли Тьмы, – без раздумий или некоего внутреннего потрясения от услышанного произнёс я, и маски, одаривая меня зловещими улыбками, превращающимися в оскалы, закружились вокруг так быстро, как будто вознамерились осуществить мысль, только-только пришедшую к ним.

- Испытание?...
- Вкусить страх служителя?...
- Узнать мощь воли его?...
- Хватит ли одной мудрости?...

- Наделить бессилием!...
- Поставить ограничение...
- Как вступишь в мир своего рождения...
- Страстная жажда иссушит...
- Отринь обретенную власть...
- Закрой для себя поток смерти...
- Ощути падение...
- Забудь о преобразовании через тьму¹...
- Ключом станет лишь знак мой...
- И познай надежду...
- Если отринувшая Тьму восстанет против тебя...
- Тогда вернёшь себя...
- До срока...
- До срока...
- Уходи во мрак...
- Неси волю Тьмы!...

Собственно, так и начался мой путь. Я не тянул с выполнением приказа и проник в пределы мира за максимально краткое время. Мне хотелось побыстрее закончить с заданием, чтобы отправиться в некогда заинтересовавший меня кусочек вселенной. И оттого я спешил. И оттого я чувствовал раздражение, что не имел права пользоваться на родине привычным искусством магии.

Что же о том месте, где я находился, то этот город показался мне совсем чужим, хотя я некогда провёл в нём почти три месяца. Наверное, дело в том, что тогда я был послушником при наставнике и оказался примерным исполнителем воли учителя. Такие места, как таверна «У Храппа», расположенная возле зловонных трущоб, оставались без внимания примерного неопита Чёрной Обители. А теперь вот пришлось туда направиться. Совет встретившего меня Мага-Координатора звучал однозначно – начинать поиски Эветты стоило отсюда. Так что я взял приготовленный для моего задания небольшой кошель с разномастными монетами и направился исполнять долг.

Неприятные запахи, едва не вылитые мне на голову из окна помои, загаженные ухабистые улочки, с трудом держащиеся на ногах пьяницы, брань, ряд виселиц с разлагающимися телами – вот чем встречал родной мир покинувшего его пределы.

... Век бы не возвращаться!

– Эй, вы куда?!

Я с удивлением обернулся, за доли секунды перебирая в голове тысячи вероятностей, что можно было сделать не так, просто идя по улице, но, слава Тьме, обращался молоденький офицер не ко мне. Он смотрел на двух своих подчинённых, которых до времени скрывала проезжающая телега.

– А чё такого-то?

– Я, конечно, приказал схватить его. Но не собираетесь же вы ломиться через парадный вход?!

– Дык, не первый день службу несём, господин начальник, – смело заявил стражник постарше, поправляя поясной ремень. – Коли убивец попёр в трактир, то уж явно его ноги не держат.

Мысль показалась мне здоровой, но мнение такого солидного мага как я, никого не интересовало, да и не был я готов им делиться со всякими ничтожными людишками. Поэтому

¹ Та сила, которой я служу, именуема в мироздании как Тьма. Имя собственное, первая буква заглавная. А есть ещё и тьма – «субстанция», через которую тёмные маги проводят энергию стихий.

молча зашагал дальше по улицам. На душе было легко и хорошо. Я искренне возрадовался, что те, кому я служу, выбрали для меня иную участь, нежели прозябать в этих гиблых краях. Отчего они так решили? Да им виднее! Лишние вопросы ни к чему, когда ты и так осознаёшь свою эпическую судьбу, редкую исключительность и чувствуешь особую собственную власть. Могу только сказать, что их решение принесло мне глубокое счастье. Я всегда был жаден до знания, даже если видел каплю. А мне предоставили океаны. Передо мной открыли небывалое могущество. Дороги междумирья стали моим настоящим домом! Нигде мне не было так хорошо, как там. Там, где ничего не существовало. Где могло возникнуть всё, что угодно!

– Чудо науки! – заголосил мужичок, вышедший на подмости перед телегой. – Никакой магии. Настоящая механическая музыка!

Я мрачно глянул на шарманку и прошёл бы мимо, но люди, к моему удивлению, радостно зашептались и стали подходить ближе. Некоторые даже захлопали в ладоши, требуя начать представление побыстрее. Сдержанное ироничное покачивание головы было сложно. Тоже мне чудо науки! Видели бы вы...

Да. Видели бы вы то, что довелось видеть мне. Хотя, наверное, рискованным шагом было кидать такого наивного деревенского мальчишку-глупыша, каким я был когда-то, в миры высокотехнологичные. Но, по правде, они удивили меня даже больше, нежели те, где вместо людей обитали существа странного облика... Зато так основательно искоренялась привычка ожидать знакомое. И за пару веков или около того (время везде текло по-разному, и я давно сбился с привычного счёта) от прежнего меня почти ничего не осталось. И я не просто стал другим, а стал иначе смотреть на жизнь и её события.

Нет. Не только это.

Куда более глубокие перемены принесло то, что я растворился в чужой власти, отринув собственную личность. Сложно сохранить в себе что-то собственное, когда ты послушный исполнитель чужой воли и живой инструмент, действующий с хирургической точностью. Хозяева давали доступ к невероятной силе, требуя взамен лишь беспрекословную покорность. И я выполнял любые поручения, нёс их слово из вселенной во вселенную, обретая союзников для Тьмы. Сражаясь при необходимости с её врагами.

... И обо мне заговорили.

Боги самолюбивы и эгоистичны. Они редко любят общество подобных себе, но даже они объединяются в случае угрозы. Так что это их выдумка – прозвище Предвестник. Им пришлось выделить меня, сделать личностью, чтобы для самих себя стало легче понимать друг друга. Я не возражал, так своего собственного имени никогда не имел.

Наверное, мне это даже льстило – стать кем-то, имеющим суть.

– Недорого! Горячие пирожки, ватрушки! С пылу с жару! Купите, юноша. Купите! Не пожалеете.

Я шарахнулся в сторону от уличной торговки так стремительно, что едва не поскользнулся.

Нашла кому свой товар предлагать! Выбрала же покупателя. Разве нужна мне её выпечка? Мне?! Мне – посланнику Тьмы?! Я являлся созерцателем мироздания. Его исследователем. Я обладал редким могуществом и изучал при помощи него как детёныш всё, до чего мог дотянуться. Восторженное и опасное существо, путешествующее от места к месту, куда направят. Нужна мне её еда!

... Особенно после недавнего.

Стоит сказать, что до посещения родного мира я выполнял непривычный для себя приказ. Вместо того, чтобы вновь донести до кого-либо какую неприятную весть, меня отправили уничтожить и бога, и его мир. До этого мне доводилось только созерцать подобное на правах ассистента основного исполнителя. Созерцать, потому что мои услуги как некоего помощника в разрушении не особо-то и требовались. И вот настал момент самостоятельного деяния.

До сих пор считаю удивительным обстоятельством, что я выжил. Несмотря на всю мощь, что доверили мне Хозяева, стратега и воина можно было найти получше в любом из самых захолустных уголков вселенной! Не на мне одном свет клин сошёлся. Служителей у Тьмы хватало повсюду. Но я, черпая силы из потока смерти, сумел-таки одолеть бога, никак не желавшего умирать. А затем и разрушил оставшийся беззащитным мир. Его обитатели не могли оказать мне сопротивления. Они гибли. Быстро. Практически мгновенно. Их суть и энергия превращалась в сырой поток, который я направлял в обитель Хозяев для его насыщения и преобразования в баснословно мощную энергию – поток смерти. А затем настала очередь и земель, и морей, и неба. Вся материя, созданная с превеликим искусством, обращалась в мельчайшие частички преобразованного вещества. Чего-то необъяснимого, но столь приятного на вкус, что мне захотелось ещё. И ещё! И ещё!

Власть. Безграничная власть! Моя безграничная власть!

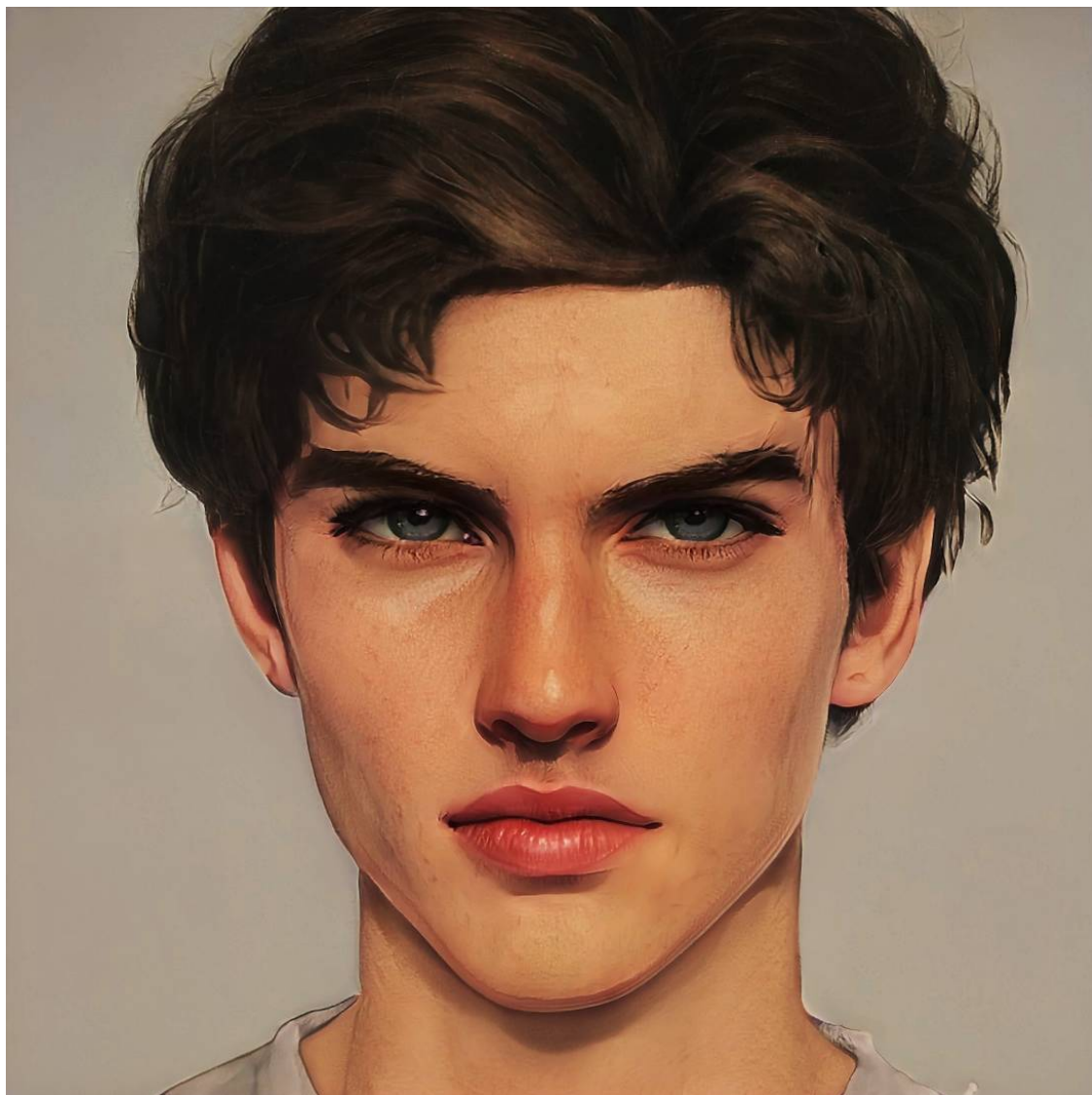
Это так восхитительно!

– Это так отвратительно, – тихо буркнул я, входя в таверну, от внешнего вида которой меня покорило. Она больше походила на бандитский притон. Выглядела грязной и мерзкой. Войдя, из-за царящей там вони я даже не закрыл за собой громоздкую скрипучую дверь. Может, так хоть немного свежего воздуха проникло бы внутрь?

...Что я мог делать здесь?! Ноги моей здесь не должно быть. Я же Предвестник гибели миров!

– Какой красавчик, – хрипло просипела пьяная до одурения и обнажённая до пояса пухлая девка с синяком под глазом.

Комплимент от подобной дамы нельзя было назвать приятным, но, стоило заметить, женщинам я отчего-то нравился внешне, хотя ничем таким, на свой вкус, не выделялся. Ни массивностью, ни мышцами. Правда, подростком мне довелось побыть с года три повыше прочих сверстников, но по итогу я не особо-то и перерос пределы банального среднего роста. Так что ныне я являл собой самого обычного парня лет шестнадцати-восемнадцати. Да-да! Скорее даже шестнадцати, если всё-таки не льстить себе. Это значительно меньше моих истинных лет, но проходящие через тело концентрированные потоки энергии, что позволяла мне использовать Тьма как своему служителю, не давали стареть. В какой-то момент я стал забывать смотреться в зеркало. Чего бы там можно было нового углядеть? Борода и усы, что могли бы добавить внушительности облику, так и не выросли даже как пушок. Чёрные волосы легко подравнивались чем-нибудь острым и так. Смугловатая кожа меняла оттенок на более тёмный лишь после очень долгого пребывания на солнце. Нос с небольшой горбинкой не перемещался с места на место. Глаза чрезмерно светлого и насыщенного голубого цвета разве что становились всё мудрее, а выражение лица жёстче. Но это так себе перемена при моей очевидной подростковой худобе.

Мужик, у которого девица сидела на коленях, тут же грубо ухватил её за подбородок и повернул к себе лицом.

– Ты кого тут обслуживаешь, шлюха?!

И снова... Что я здесь делаю?

Ноги между тем сами собой проделали несколько шагов к барной стойке. И за это время дверь всё-таки самостоятельно со скрипом закрылась от порыва ветра. Люди не обратили на то внимания. Они продолжили пить, радоваться, обсуждать дела, но... начали украдкой посматривать в мою сторону.

– Бард, что ли? – вполне дружелюбно предположил толстяк, разливающий из бочонка пиво клиентам. – Это хорошо. Понравишься, так за два дня к тому, что сам заработаешь, ещё пару монет доплату. Надоело мне мебель от драк чинить. Поразвлеки народ.

– Не бард, – открестился я от возможности подзаработать.

– А чего тогда, как шут ходишь?

Вся моя одежда, включая плащ, была чёрной с обильной серебряной вышивкой. И она выглядела не только стильно, но и являлась весьма практичной. Однако не объяснять же этому сброду, что узор на левой штанине позволял взаимодействовать с Хозяевами, не создавая примитивных ритуальных кругов общения? Для примера. Увы, не обладал я пока своими

собственными личными способностями такими, чтобы обходиться без своеобразного «туза в рукаве». Вдруг доведётся столкнуться с кем из владык Света? Перекроют мне поток смерти и что тогда? Это в этом мире я уже могу несколько больше, чем Магистр, Архимаг, прочие члены Совета Ордена или верхушка его оппозиции. За пределами-то мне противостояли существа куда как могущественнее. Вот и приходилось исхитряться.

– Во даёшь! Не слышал о таких, что ли? – рассмеялся во весь беззубый рот коренастый игрок в карты. – Этакие крали вельмож всяких обслуживают. Наряжаются как девки и трясут попками. Только там помоложе любят. А этот...

Так! Пришло время пресекать варианты. Не хватало ещё, чтобы насмешки переросли в самоуверенность и вседозволенность. Тогда мне из таверны точно не выйти! Что такое острая железка, называемая мечом, против разношёрстной толпы любителей подраться? Вот если бы не условие не использовать магию, то...

Уверенным движением руки я вытащил клинок из ножен. Жаль, что он не пистолет. Как бы я ни уважал холодное волшебное оружие, чему-то огнестрельному обрадовался бы сейчас гораздо больше.

– Смотрю, тебе за говорливый язык уже все зубы выбили. Так, может, его отрезать, э?

– Ах, ты мразь!

– А ну сядь, – огромная рука легла на плечо игрока. – Я этого типа возле Чёрного Храма видел. Координатор первой ступени не поленился его даже проводить до ворот. Только что рукой с платочком вслед подобострастно не махал.

Вот теперь наступила приятная для меня тишина. Какое же глубокое удовольствие приносить людям страх! Божественно приятно!

... Если не думать, что теперь про моё задание мало что удастся выяснить.

– Из Аналитиков, что ли?

– Да, ну. Молодой слишком. И они больше при губернаторах да королях трутся.

– Мне нужна Эветта, – пояснил я. – Слышал, здесь о ней могут рассказать, так?

Вот самому любопытно, что кроме похабщины да сальной фантазии в такой выгребной яме об Эветте услышать можно!

Перед моей памятью возникло красивое узкое девичье личико с миндалевидными глазами и белыми длинными ресницами над ними. А, затем, отчего-то вспомнилось, как я, будучи мальчишкой лет шести, сидел на нижней ступеньке на задворках Чёрной Обители, в тупике возле конюшни, где затачивал о балясину чугунных перил, словно пользовался напильником, плоский камень – оружие для защиты от неизбежного нападения. Воспитанники, кроме отъявленных задир, правда, обходили меня стороной. Пусть я был младше многих, считался угрюмым молчуном, отшельником, но всё же являлся суицидом зверем. Не умел даже толком держать ложку, ел руками, но мог накинуться за насмешку в любой момент. Дрался до крови. Запросто зубами выдирал куски мяса. Даже как-то выцарапал кому-то глаз. Однако, некоторые никак не могли остановиться и оставить меня в покое. Для них я и готовил «сюрприз», как нам с Эветтой довелось познакомиться.

Она родилась неправильной. Была альбиносом. А потому, из-за своеобразной внешности, травили её прочие дети нещадно. Но чрезмерная воспитанность мешала этой белокожей и беловолосой девочке дать достойный отпор. Глупо, но она до последнего пыталась защититься вежливыми словами от нападков на себя. А их из наших сверстников здесь мало кто понимал. Мэтры же почти не следили за малолетней оравой, не признанной ещё учениками. Так что вокруг носились стаи безжалостной беспризорной ребятни, играющей в только им постижимые игры. Зачастую беспощадные игры. Довести до слёз, отнять ценное, избить слабого или даже убить – таковы были здешние детские забавы.

Эветта как раз убежала от девчонок, решивших выдать ей за инаковость тумачков. Бежала, куда глаза глядели, да куда ноги бежали. Повернула за угол и вот те на – наткнулась на меня и упала, разбивая колени. Я и сам хорошо ушибся, от такого неожиданного столкновения, вдобавок рассёк лоб о перила.

– Ха! Теперь никуда не денешься! – закричала рыжеволосая и конопатая предводительница стаи, но с писком отскочила назад, увидев мою злоющую розгу, по переносице которой стекала кровь.

– Бежим отсюда! Тут этот! Бешеный!

Это они обо мне. Увидели, что я встал и поднял руку с острым длинным камнем словно замахиваюсь ножом, да испугались... И правильно сделали! Не знаю, что было со мной до Обители, но прошлое досталось мне то ещё, раз я в таком возрасте вёл себя агрессивнее орка с похмелья! Меня называли Бешеным. И я честно заработал и регулярно оправдывал свою злоещую репутацию. А это не шуточное дело! Так что, сделай одна из девчонок хоть шаг ближе, легко бы заколол даже. Во мне не было никакого уважения ни к кому. Никакой жалости. И никакого стремления их испытывать.

Девчонки убежали, мерзко хихикая. Им было смешно оставить мне на растерзание Эветту. Вот только я, при всём своём безумном облике, сумасшедшим не был. Худенькая белая девочка не могла причинить мне вреда. Она выглядела столь жалко, что не воспринималась как прочие за врага. Так. Пыль под ногами. А потому я снова сел на ступеньку, вытер тыльной стороной кисти лицо от крови и, осторожно потрогав ранку грязными, неровно обкусанными ногтями, продолжил заточку.

– Вы меня не тронете? А, Бешеный?

У всех будущиx воспитанников Чёрной Обители стирали память и отбирали имена. Это делалось для того, чтобы навсегда оторвать детей от уз крови. Едва они переступали порог мрачного замка, как семья оставалась только одна. И, наверняка, кто-то из-за этого лишился многого. У меня до сих пор замирает сердце, когда глаза случайно вылавливают из толпы женицину, нежно прижимающую к себе своего ребёнка... Но сам я по-прежнему испытываю радость, что не помню настоящего прошлого.

Реакции же на слова девочки никакой не последовало. Это было ни к чему, да и я почти что не говорил. Речь давалась мне с трудом. Я большей частью мычал, если возникала нужда в общении. И моё молчание пробудило в Эветте некую смелость. Она поднялась и, с любопытством оглядывая меня глазами розового цвета (ещё одно проявление её генетической особенности), осторожно подошла чуть ближе.

– Все вас боятся, а вы вблизи щуплый такой. И совсем не страшный... Настоящий арьнен.

– Арьнен?

Она говорила свои слова без надменности и желания обидеть. По интонации походило, что произносила вслух то, что только что пришло ей в голову, что думала здесь и сейчас. Потому меня это и заинтересовало. Как и незнакомое слово.

– Так вы также неграмотны, как и прочие? Почему ничего не делаете, чтобы стать лучше? Начните ходить на занятия по письму – узнаете очень многое.

– Мне хватает еды.

За воровство маги секли жестоко. А кормили нас, детей, очень плохо. И чтобы что-то съесть да не почувствовать хлыст на спине – следовало сделать нечто полезное для взрослых. Вычистить конюшню, натаскать воды, наколоть дрова, прополоть грядки или... посещать уроки мэтров. Пребывание в замкнутом помещении вместе с уймаей людей мой инстинкт самосохранения не позволял. Так что, за прожитые здесь месяца полтора, выживал я исключительно за счёт труда физического. И, действительно, был сыт.

– Нет, дело в другом. Вы всех боитесь. По глазам видно, что вы – арьнен. Что боитесь приходить учиться, – вот теперь в её голосе прозвучало и презрение. – Даже я не боюсь такого!

– Мне хватает еды.

– Вы боитесь. Вы – арьнен!

Эветта сделала шаг ближе. Это заставило меня по-звериному оскалиться и дёрнуться. Она тут же вздрогнула, взвизгнула и убежала, сверкая задниками туфель с серебристыми пряжками. Обувь мало у кого из нас имелась. А у неё ещё и красивая была. Наверняка, Эветта происходила из какой-либо богатенькой семьи, как я сейчас понимаю. Может, знатной. И даже скорее всего, потому что ей уроки мэтров давались легко. Она словно вспоминала подзабытое. Я же постигал невнятные закорючки на бумаге с трудом, но с невероятным упорством. А потому и с редким успехом.

Кстати, да! Я же начал учиться. Сначала пришёл в класс, чтобы всего лишь доказать самому себе, что не являюсь трусом. Уж очень задела моё естество едкие слова забитой девчонки. Они разрезали душу столь легко, как острый нож мясника разделявал тушу свиньи. Однако не её презрение стало стимулом к обучению, а зачитанная вслух история жизни какого-то мага. Благодаря ей, передо мной раскрылись преимущества образования. На том занятии я понял, что чтение отпирало замки к всегда манящему меня новому – чему-то недоступному и величественному, проникающему внутрь и питающему знаниями лучшие любой материальной пищи. С тех пор я жадно вслушивался в слова мэтров и насыщался, перенимая в себя их ум, навыки, мысли.

... И потому однажды узнал, что же это за слово такое непонятное «арьнен».

Это произошло в день признания некоторых из нас учениками. До этого никто не говорил, что проведенные в Обители недели, складывающиеся в месяцы, являлись неким отбором. Мы не предполагали, что в результате кто-то навсегда станет беспрекословным рабом. Все видели лысых татуированных прислужников мэтров, тупо исполняющих любую волю. И, полагаю, знай кто из детей, что дабы избежать такой участи следовало учиться, то прилежание не заставило бы себя ждать! Но мы не предполагали такого. И узнали не сразу. Так что я просто обрадовался, получив чёрную рясу. А затем заметил Эветту, выводящую поодаль от всех на песке веточкой иероглиф возрождения. И вспомнил.

– Мэтр, – обратился я к одному из учителей, крайне довольному моими успехами. – Что «арьнен» такое?

– Правильнее будет задать вопрос иначе. Какое значение у слова «арьнен»? Или, что означает слово «арьнен»?

Я по-прежнему был диким и немногословным. Но быстро учился.

– Мэтр, что означает слово «арьнен»?

– Оно из райданрунского языка. Переводится как «цыплёнок».

Я быстро учился. Но по-прежнему оставался злым и непредсказуемым дикарём.

Эветта только и успела вскрикнуть, когда я навалился на неё и повалил наземь. Она скрестила руки возле лица, стараясь защититься, а затем начала отбиваться своими худыми белокожими ногами. Царапнула мне щёку. Разозлила этим ещё больше. Я аж зарычал, когда обычно ни во что не вмешивающийся учитель стал оттаскивать меня. И тогда чуть не укусил его самого! Помешало не благоразумие, а разряд электричества. Из-за него я упал на четвереньки, и рука моя уткнулась на нечто металлическое на песке.

– Бешенный совсем! – выкрикнул кто-то.

Раздался дружный смех, а Эветта, почувывая себя в безопасности из-за того, что за неё наконец-то вступились, изменила привычному спокойствию истинной леди:

– Что тебе? Так не нравится, а?! Знай своё место! Ты – Арьнен! Арьнен! Был им и останешься! Арьнен!

Я начал неловко подниматься. Тело ещё подрагивало от разряда тока. Голова сама собой на миг опустилась от дурноты, и мне стало видно, что металл под рукой оказался пряжкой с одной из туфель Эветты. Я сжал её в кулак, рассчитывая усилить силу будущего удара обрётённым оружием. Я по-прежнему был очень зол.

– Не смей! – поняв, что вот-вот последует продолжение драки, пригрозил учитель, сверкая глазами. – Отныне вас приняли в Орден. Вы стали учениками!

– Любой, кто забудет, что он часть единого, будет наказан, – суровым громким голосом произнёс Координатор третьей ступени – управляющий нашей Обителью. – Наказан изгнанием в низшие.

Тогда-то мы и увидели, что предстояло нашим прочим сверстникам. Видимо в воспитательных целях обращали их напоказ перед новыми учениками. А затем мы, невероятно перепуганные, молча покинули внешний двор. Впервые прошли за вторые ворота. Отныне нам, избранным, предстояло жить в крепости, пусть и на нижних её этажах. Я боязливо сжимал руками чёрную рясу, ступая босыми пятками по коридору. И на чистом глянцевого полу оставались грязные следы моих ног.

– Сейчас вы пойдёте в купальню, – пояснил один из неофитов, которому мэтр доверил присмотреть за новичками. – Отмоетесь и переоденетесь. Старую одежду бросайте в корзины. Она вам больше не понадобится.

Так и произошло. И наверняка виам в моих волосах это ой как не понравилось. Мне то уж точно показалось очень неприятным не чувствовать пыль и пот на коже. Они как будто толстая броня защищали меня. А нас ещё и заставили обтирать тела тряпками до скрипа. Очень противно на тот момент было. Помню, как я суматошно напялил на себя большую рясу, радуясь избавлению от пытки наготой, и тихонько спрятал меж её складок сверкающую пряжку.

– Почему ты не обуваешься? – строго спросил неофит, когда все остальные надели свои сандалии.

Я растерялся и поглядел на свои широкие огрубевшие ступни. У меня никогда не было обуви. Но мне было легче умереть, чем признаться в своём неумении обуваться!

– Давай помогу.

Неофит присел и дотронулся до моей ноги. До моей ноги! Знающие меня прочие уставились во все глаза, ожидая драку. Я и правда трясся, стараясь сдержать порыв вцепиться в льняные волосы и выдрать их с корнями, сдирая скальп...

– Вот так. Со вторым справишься?

О! Этот неофит и не знал, что был в шаге от какого-либо увечья. Я терпеть не мог прикосновений к себе. Они доводили меня до безумия.

– Угу.

Отодвигаясь назад, я самостоятельно занялся хитроумными ремешками. Получилось. Но идти стало совсем неудобно. Ноги спотыкались. Я ощущал себя столь же беззащитным, как и когда меня, бьющегося в жаре лихорадки, вынесли из ритуальной комнаты после стирания памяти. Мне было столь же плохо, как и тогда, когда во время долгих рвотных позывов, полнейшего помутнения сознания и судорог лихорадки мне настойчиво желалось увидеть свет... который довелось узреть совсем не скоро.

Если говорить о том времени моих первых воспоминаний, то прежде всего стоит сказать о силуэте-тени. Некто приходил в холодный подвал с блёклой лампой. Нечасто, но приходил. Он проверял детей. Некоторых, прикрывая лица простынями, по мановению его руки уносили такие же призраки, как и он. Другие, когда он над ними произносил невнятные слова, вставали и уходили сами. А я всё лежал. И, через какое-то время этот некто стал останавливаться возле меня. Я знал, что он всматривался, ожидая наконец-то увидеть ещё один труп, но не собирался оправдывать его надежды. В такой молчаливой войне проходили часы.

Даже, скорее всего, дни. И в один из них моё тело, вопреки совершённомu над ним издевательству, вопреки сковывающим его магическим путам да вопреки отсутствующим из-за изнеможения силам всё же совершило невозможное. Я перевернулся на живот и пополз, цепляясь ногтями за выемки и трещинки в каменном полу. Казалось, возможность дотронуться до досок двери заняла целую вечность. Пальцы тряслись. Температура, остававшаяся по-прежнему высокой, сжигала живьём. Наверное, даже смерть на костре можно назвать более щадящей! Но я полз. И человек с фонарём едва не наступил на меня, переступая порог.

...В сандалиях я чувствовал себя почти также отвратно.

Нас привели в зал с длинными скамьями и столами. Щедро накормили. Выдали по свитку с уставом. Затем каждый поднимался, зачитывал с него слова вслух и резал палец, передаваемым друг другу ножом, чтобы пролить несколько капель крови на пол. Это продолжалось долго. Текст оказался длинным. Многие, как и я, читали крайне плохо. А нас было больше полусотни.

– Теперь вы действительно стали учениками. Служите Тьме верно, – сказал в заключение Координатор третьей ступени и ушёл.

Нас снова предоставили неофитам. Надлежало произвести распределение по комнатам. Обычно селили по четыре человека. Мальчиков с мальчиками, а девочек с девочками. Но в этот раз, как и частенько бывало, не получалось идеальной картины. В «обоих лагерях» оставалось по одному лишнему человеку.

... И, как вы думаете, кто ими стали?

Как-то никто не хотел, чтобы возле него спящего находился Бешеный.

И как-то никто не желал знаться с высокомерной, надменной зазнайкой-альбиносом.

– Поставим в две из комнат дополнительные кровати. Ты будешь, – начал было решать проблему привычным способом неофит, как мэтр, предотвративший мою драку с Эветтой, перебил его:

– Не в этот раз. Определим-ка их жить вдвоём. Это станет для них хорошим уроком.

Собственно, помимо хорошего урока так в моей жизни появился и хороший друг. Друг, которого меня ныне отправили убить. Насколько я знал, Эветта нарушила свою клятву Тьме. Боролась с нами. Так что её следовало устранить. И, как было понятно, Хозяева желали при этом проверить и меня на исполнительность.

Ха! Неужели они подозревали, что я откажусь?!

Пожертвовать могуществом тёмной энергии и дорогами междумирья ради предоставления кому-то другому права убить отступницу, о которой я почти забыл?! О, нет! Оно того никак не стоило! Это пара пустяков для меня.

– Зачем тебе целительница? Вроде жив-здоров, – в наступившей тишине спокойно поинтересовался хозяин трактира и достал огромную кружку. – Вот. Давай-ка, парень, пива тебе налью за счёт заведения, да иди своей дорогой.

– Да! – поддержали остальные голоса. – Мы здесь чужих не особо любим.

– И с бабами правильными знаем, – внушительно добавил мужик со шлюхой на коленях, ласково шлёпая ту по заднице. Девица тоненько захихикала.

– Хорошо. Давай пиво.

Зачем угрожать, если есть варианты попроще? Пусть я и маг, не смеющий творить волшебство, но разум-то остался при мне! Так что, дождаввшись, когда донышко деревянной огромной кружки ударится о столешницу, я развязал кошель и напоказ пустил по барной стойке в сторону хозяина местную золотую монету. Затем отпил немного. Пиво оказалось кислым, но приятно защекотало вкусовые рецепторы подзабытым вкусом. Так что я аж почти допил до дна, прежде чем завершил свой спектакль.

– Всем вам хорошо провести время. Ну, а если на веселье денег маловато, то ближе к вечеру можно будет подзаработать возле городской конюшни.

У конюшни всегда отиралось много народа. Так что это место я посчитал удачным для будущих разговоров. По-тихому получить удар ножом в живот шансов мало, а вот ещё какого-нибудь осведомителя найти...

Провожаемый жадными взглядами я вышел на улицу. Из-за серых туч даже солнышко выглянуло. Я тут же сощурился, посмотрев на изумительно яркий солнечный диск. Глаза заслезились. Пришлось перестать созерцать единственное из прекрасного, что можно было увидеть в этом городе, и поглядеть на землю. Прямо у моих ног сидела жаба, мерзко дёргающая горловым мешком. Я раздавил её, вытер подошву сапога о колоду поблизости и двинулся в сторону крепостной стены. Там, у самых ворот, и располагалась главная конюшня.

Глава 2

Приезжал на лошадакх в город Юдоль много кто, но верхом каталась разве что охрана, да богатенькая молодёжь. В любой момент служитель порядка имел право требовать предъявления документа, удостоверяющего оплаченное удовольствие быть наездником. И стоило оно дороговато. Значительно дороже, чем пристроить животинку при въезде, да подвигать собственными конечностями, оберегая сохранность деревянных мостовых.

Однако, наверное, я зря так переживал за свою жизнь, говоря о конюшне. Сказывалась привычка чувствовать себя куда как сильнее. Мне не хватало ощущения собственного могущества. И только. Даже торговый бульвар, в который я попутно наведалься купить менее приметную одежду (интуиция и логика сходились во мнении, что задержаться в этом мире мне пришлось бы), отнюдь не кишел подозрительными типами.

– Для вас можем-таки и по мерке сшить! – услышав просьбу показать свой товар, воскликнул торговец. – Марта, моя жена, прекрасная портниха! Не смотрите, что у нас нет шикарной вывески, как у того пижона напротив. Стежки будут в разы лучше, а цены ниже.

– Нет. Мне не хотелось бы ждать.

– Да! Время-таки дело такое. Никак не терпит, – вроде как согласился ушлый торговец, проводя пальцем по своим длинным тонким черным усикам, и тут же продолжил настаивать на другой дополнительной услуге. – Но вы учтите, что моя Марта может подогнать всё, что вы купите, именно под вас! Вы посмотрите за окно.

Непроизвольно я повернул голову в сторону проёма, заделанного мутноватым зеленоватым стеклом. Сделано это было прежде, чем мне подумалось, зачем вообще туда глазеть.

– Видите?

– Что именно?

– Уже за полдень, а не зажгутся ещё первые ночные факелы, как моя Марта принесёт ваш заказ по любому адресу. Я вижу, что вы приезжий. Скажите, где вы остановились, чтобы так и сделать!

– Нигде не остановился и даже ещё не увидел, что могу у вас приобрести.

– Ой-ой-ой! Не следует с таким делом затягивать, – всё же начиная суетливо выкладывать на прилавок из сундуков одежду, протянул торговец. – Если вы позволите, то я бы порекомендовал вам остановиться у моего брата. Он держит гостиницу «Медвежий Пляс» всего в паре кварталов отсюда. Приличное место и, скажу вам не тая, его супруга Адея так боится всяческих мелких тварей, что во всём доме не осталось ни единого таракана!

– Это и это подойдёт, – ткнул я пальцем на немного потёртые штаны и лёгкую новёхонькую рубаху, понравившуюся мне из-за глубокого синего цвета. Она, правда, была из тонкого благородного хлопка, немного вычурна по фасону, но всё равно уже не приковывала бы таких внимательных взглядов, как моя нынешняя.

– Может, вам нужен плащ? Обувь?

– Нет.

В своих сапогах я прошёл по многим дорогам междумирья. Снимать их, меняя на грубые колодки, никак не хотелось. Это вызывало даже некую внутреннюю панику. Собственно, и выбор на рубашку пал из-за сапог. Так бы вынужденно взял, что-нибудь попроще, но глянцева-ая дорогая кожа требовала хоть каких-то изысков в прочем наряде. Плащ из непромокаемой ткани тоже снимать не хотелось, да и много бы он занял места в свёрнутом виде...

Места? Точно!

– Но наплечная сумка мне понадобится. Есть что-либо в наличии?

– Найдётся! – уверил меня торгош и, снова поправляя жиденькие усики, вытащил из-под полы именно то, что нужно. – Таки мне позвать мою Марту снять с вас мерки?

– У вас глаз намётанный. Прекрасно видите, что всё по размеру.

– У вас тоже глаз намётанный, – рассмеялся тот без притворства. – Вроде едва взглянули, а выбрали отменно.

– Надеюсь, это моё качество не повлияет на цену?

– Нет. Ха, я же вам не его продаю, а одежду! Так что с вас...

Он назвал цену. В мешочке с монетами нужная сумма, само собой, нашлась. Монет там лежало много. Но то, с какой быстротой кошель начинал истощаться, было мне не по нраву. Деньги, как всем известно, могли закончиться очень быстро. И что тогда? Позорно возвращаться в Храм за дополнительными финансами? Или найти подработку, как какому-то нищелброду? Это когда ты сильный маг хорошо, взял и своё потребовал с кого надо. А тут юлить придётся.

... Тьфу! Мысль мне настроение испортила капитально.

– Всё же настоятельно советую вам у моего брата заночевать, – перед тем, как я ушёл, сказал торговец. – Но даже если и не так, поторопитесь с поиском жилья. Не относитесь к своей жизни столь беспечно.

– Беспечно? По городу столько стражников патрулирует, что, думаю, не осталось ни одного грабителя. По сравнению с моим последним визитом сюда, ночные улицы стали намного безопаснее, – сделал я комплимент нынешнему губернатору, но собеседник отчего-то испуганно округлил глаза, заставляя меня смутиться. – Разве не так?

– Хм. Ну, ночью-то и наша доблестная стража нос из казарм не показывает... Это вы откуда-таки будете, что ничего не ведаете?

Подозрительность в его голосе мне не понравилась. Поэтому я решил ответить беспечным юмором, который сам никогда не ценил.

– Ну, изволь моя матушка мне это рассказать, вам бы точно ответил откуда родом! С детства сиротой туда-сюда путешествую, куда только ноги поведут.

– Странный вы бард, – снова причислили меня к творческой профессии. – Говор наш. Ведёте же себя как светоносный чужеземец.

– Это вы к чему?

– Ни к чему, – внезапно пошёл на попятную торгош. – Не моё это дело шпионство всякое! А по-человечески предупредить предупрежу. У нас в Амейрисе по всей стране после войны комендантский час назначен. Дабы врага извести, маги насоздавали всякой нежити и вылавливать её за бесплатно, чтобы покой простым людям вернуть, не собираются. И с торговой точки зрения я их так понимаю! Продажи амулетов в разы выросли. Теперь никакой караван или отряд без Соискателя в путь не отправляется. Король тоже счастлив. Преступления сократились, бунтовщики до столицы не дойдут без значительных потерь, а налоги с доходов Ордена так и текут благословенной золотой рекой... Наверное, сидит в своём дворце и с утра до вечера восхваляет судьбу за то, что на его правление эта война пришлась!

– И в городах нежить бушует? – удивился я. – Какая же?

– Самая, что ни на есть, разномастная. Вампиры да альпы, гули, стрыги, драугры, упыри, баргесты. Им при создании ограничение дано, чтобы в жилища заходить не смели. Так что в любом доме безопасно, а вот на улицу ни-ни! Шага ступить нельзя. Их много, на удачу не понадеешься. Кроме того, оголодали совсем-таки. Крысолудов да прочих живых гадств даже подчистую извели.

– Если корма не осталось, то они должны в летаргию впадать.

– Чего-чего?

– В спячку впасть должны. Как медведи зимой.

– Да? Ну, пока таки ещё не впали. Скребуются всё по ставням, твари. В щели заглядывают. Подзывают, бестии! Никакого покоя нет!

– Однажды это изменится, – пожал плечами я и, не желая выслушивать ничего более, вышел на улицу.

Мне очень хотелось покинуть магазин. Продавец вызвал у меня некие неприятные ассоциации несмотря на своё дружелюбие. Такие, что я даже требовать возможность переодеться не стал. И, размыслив, подумал, что правильно сделал. Вдруг кто-либо из хитрецов, прохладжающихся в таверне «У Храппа», решил дать знать человеку, обладающему информацией об Эветте, что я ищу встречи с ним. Пусть бы описание совпадало.

Если же говорить о том, что ждало меня на улице, то Юдоль был мне знаком. Во всяком случае, этот район был мне хорошо известен, так что я с удовольствием осматривался по сторонам, отмечая про себя что изменилось. Это даже походило на некую игру «найди различия». А то, что сравнивать приходилось с собственными воспоминаниями вносило особенную изюминку. Ведь с тех пор, как я покинул эти края, в междумирье куда как больше века прошло. В моём родном мире сердечник хода времени работал крайне медленно.

Однако то, что я глазел на всё вокруг, привело к своему результату. Посчитав меня беспечным разиней, ко мне подбежали двое детей-попрошаек и наперебой стали выпрашивать милостыню. Я не стерпел их назойливости, а в особенности попытки добраться до кошелька, и молча ухватив за рыжие космы девчонку, швырнул её оземь. Она вскрикнула, но зато больше никто не осмелился ко мне приставать. Я спокойно пошёл дальше. Звук шагов по деревянной мостовой казался звонкой музыкой, похожей на слаженную работу тонкого механизма. Сумка с новой одеждой билась о моё бедро в такт.

По обрывкам фраз я понял, что долговязый длинноносый тип был жуликоватым букмекером, а парнишка в очках – наивный студент, верующий в какую-то там справедливость. Внимания на эту пару было сложно не обратить, так как студентик суетился вокруг афериста, словно щенок. То есть, подпрыгивал и отрывисто грозился, когда набирался на то смелости. Неудивительно, что кидале это надоело. Он, словно бы ненароком, прижал чудаковатого юнца к стене дома и, незаметно приставляя нож к его животу, процедил:

– Я тебе не сыкло, понял? Ещё раз вякнешь и прирежу. И, нахер, не вздумай меня больше на понт брать!

Студентик захлопал ресницами. Затем скосил взгляд на стоящего на посту патрульного и последний поступил так, как ответственному стражу порядка и полагается. Сохраняя себя для будущих отважных схваток, он, словно бы ничего не замечая, деланно уставился в другую сторону.

– Понял. Понял всё, – пролепетал студентик и получил долгожданную свободу.

Мне же не было нужды следить за дальнейшим развитием событий, свои дела имелись, а потому я зевнул и подманил пальцем мальчишку-подростка, громко вещающему, что сегодня

цирк уродов даёт новое представление. Если верить его словам, те, кто не придёт, прожили бы свою жизнь зря!

– Эй, малой!

Выбрал я паренька не случайно. На урода он никак не походил, а, значит, был местным пронырой, решившим подзаработать более честным путём, нежели кражи. Обычно, такие дети прекрасно знали всё на свете и не обладали осторожностью взрослых. Мальчишка же прочистил горло и, продолжая настойчиво смотреть на меня, завопил объявление ещё громче. Прекратил он это, только заметив меж моих пальцев монетку. Тогда, оглядываясь по сторонам, паренёк спрыгнул с высокого бочонка и прихрамывая подошёл ко мне. Правая его нога вроде как перебинтована была.

– Чего, етить, надобно?

– Слышал я, что в этом городе целительница не так давно обитала. Эветта.

– А, это вы про Белую Леди то? Была такая.

– Расскажешь про неё?

– Хм. Из паломников, сударь, будете? Ещё такую монету добавите и более подробной истории ни от кого не услышите!

– Ладно. Идёт.

Я достал из мешочка ещё один медяк. Парнишка свистнул, засунув пальцы в рот. К нему сразу, откуда ни возьмись, подбежал паренёк, одетый в сушище обноски. Внимательно выслушав товарища, он отправился на бочонок продолжать созывать вероятных зрителей.

– История эта, етить, та ещё! – с вдохновением начал мальчишка, прислоняясь спиной к стенке дома с осыпающейся штукатуркой. – Говорят, Белая Леди изначально из Чёрного Ордена. Это там из неё такую жуть сотворили, что ух!

– Жуть? – удивлённо переспросил я.

По мне, так Эветта была настоящей красавицей.

– Ага! Рожа вроде и смазливая, а сама белая, как мертвец. И кожа, и волосы, и ресницы. Глаза же розовые, кровью налитые. Я её сам видел. Как раз перед тем, как она пропала.

– Э-э-э... А сколько на твой взгляд ей лет было?

Отчего-то мне довелось осознать, что несмотря на то, что мы были сверстниками, вряд ли подруга моей юности до сих пор выглядит также, как когда-то. Это я не изменился, хотя прожил уже больше века, а то и двух. Или трёх? Здесь же прошло... Сколько времени здесь прошло?

Не убьёт ли старость моё задание раньше меня?!

– Да уж старуха совсем, – мысленно я было сник, как мальчишка продолжил, возвращая мне бодрость духа. – Под сорок где-то. В нашем городе она с восемь годков прожила. Где до этого была – никто не знает. Но у нас надолго обосновалась. Сначала травничеством подрабатывала, а потом к ней народ зачастил. Потому что вроде одни и те же веники повсюду, а её от хворей действительно помогали. Так что стали к ней и с более тяжёлыми болячками ходить. А она чудная! Денег ни от кого ни брала. Кто сколько подаст – тому и рада... Не диво, что вскоре на неё наши лекари ополчились! Решили, етить, поговорить, как полагается. А Белая Леди как колдонёт! Все говорильщики так и застыли яки камни.

– И что потом?

– Эту... Как его? Перед тем как отпустить но-ка-ци-ю им прочитала какую-то. Во! Это я от умного человека слово услышал... Прокляла, наверное, до седьмого колена. Я так эту нокацию понимаю.

– Нотацию, – машинально поправил я и спросил: – А больше никто не лез?

– Лезли, етить. Ещё как лезли! Но все они отчего-то по утрам на площадь главную шли каяться. Как рассветёт, народ уж собирается новые откровения слушать. А проказник идёт

меж висельников, поднимается повыше и начинает исповедь. Языком мелет, а у самого глаза как тарелки! Руками рот заткнуть себе пытается, а не выходит.

Непроизвольно я усмехнулся. Кара выглядела действительно устрашающей. И уж точно в духе Эветты! Любила она всех перевоспитывать.

– Так что перестали соваться к ней лихого желающие. А больные аж очереди за дни занимать стали. Но потом к ней Орден наш великий, чтоб его глисты заели, начал приставать. А Белая Леди всё им свой амулет под нос. Солнечный диск такой. Те поглядят, только что не поплюются как от сглаза, и уйдут, ядрёна вошь. Потом же связалась она с бедовым человеком. Баба есть баба! Увидала, что с заморских краёв приехал. Весь такой в доспехах блестящих, с венцом на голове, словно у царя. Да и потеряла голову. А он Служителем Света из Цурканды оказался, войну развязал, рать свою привёл и Орден с города выгнал. А там чужеземцы эти и дальше земли завоёвывать пошли. И Белая Леди за ними следом отправилась. Точнее за ним. Потом-то о ней ничего толкового и интересного не слышно было, но, когда все эти цуркандские хари назад погнажи, она снова у нас здесь оказалась. С месяц лечительствоваала, склоняла народ и дальше воевать. А за такие слова губернатор уж рассвирепел. Сам к ней пожаловал и потребовал, чтоб она, етить, куда подальше упёхивала, пока дровишки для неё, как для предательницы, на главной площади собирать не начали.

– А она осталась?

– Не. Он же, ёпт, верно сказал! Ещё бы сожгли нас всех с ней вместе. А она не дура оказалась. Всё поняла, да не просрала. Послушалась. Взяла детей и сныкалась неведомо куда.

– Каких детей?

– Да своих. Двоих за время войны прижила, – пояснил малец. – Наверное, от этого Служителя Света. Сплетня ходила, что вроде как они себя и узами брака связали. Не знаю. Ведаю точно, что от нас за войском она брюхатая уезжала, а бабы смеялись, что такой шалавой сказалась Леди-то. Хотя по мужикам до него не шастала вроде как говорят.

– И никто не предполагает, куда она скрыться могла? Вроде приметная такая.

– А тебе-то что с того?

– Да я бард. Хочу вот песню правдивую сложить, чтоб легенда о чуде Юдоли во веки веков звучала, – поэтично солгал я, намереваясь извлечь хоть какую-то пользу от несоответствующего наряда. Главное, чтобы репертуар озвучить не потребовали!

Но малолетний собеседник оказался куда как прозорливее взрослых:

– А гитара где? Где люшня?

– Стажили в корчме.

– Это в какой же?

– У Храппа.

– Во, дурень! – рассмеялся паренёк, показывая миру жёлтые неровные зубы. – Во даёшь! Туда вообще соваться не следует. Там для коронованных только!

– Для кого?

– Для коронованных, – медленно повторил тот и, увидев, что непонимание не исчезло с моего лица, с усмешкой пояснил. – Да для лучших воров и грабителей.

– На ошибках учатся, – развёл я руками, входя в образ юного, подающего надежды и неунывающего таланта. – Но, если песню хорошую сложу, то не только инструментом новым обзаведусь. Вот бы только концовку поинтереснее, чем всем известная. «Пропала куда-то» – совсем не годится!

– Ладно. Раз у тебя всё так сурьёзно, то гони ещё монету, и я кое-что интересное доскажу.

Наличность перетекла в чужие руки.

– Никто не слышал, чтобы в чужеземье наша целительница появилась. Слухи бы дошли обязательно. Там же ей нет нужды свои силы прятать, – словно по большому секрету зашептал

мальчишка с огоньком азарта в глазах. – И не ушла бы она вглубь страны. Там Орден всех в такой узде держит, что ух! Так что где-то здесь она, неподалёку.

– Ну, шито твоё предположение белыми нитками!

– А вот и нет!

Малец явно обиделся, хотя я считал, что использование лексики в его стиле наоборот поспособствует дружеской беседе. Мне искренне виделся иной эффект, нежели надутые губы... Треклятые Тьмы! Я едва этот словесный оборот вспомнил, а эффект обратный. Ну, как так-то?!

– Только у нас здесь её до сих пор уважают, – вытирая рукавом нос, всё же продолжил насупившийся мальчишка. – И даже паломники со всей страны стекаются. Говорят, что дом, где жила она, до сих пор чудодейственный. Вот!

Что же. Появился дельный след. Пришлось заканчивать с отдыхом. Ноги направились прочь от городской конюшни. Брать парня в проводники я не стал. Он был в эмоциональной нестабильности, да и затребовал бы денег, а дорогу подсказать могли и стражники. Они, правда, оказались не очень-то приветливыми. Под конец один шутник даже отправил меня по окольным улицам, хотя до дома Эветты было уже рукой подать. И его шутка испортила моё хорошее настроение так, что в результате смотрел я на мир крайне неприязненным холодным взглядом. Окружающие начали шарахаться.

Однако одному всаднику до моей угрюмости дела не было. Молодой пьяный богатеи в нарядном зелёном камзоле скакал во весь опор. Лошадью управлял он скверно, периодически с гоготом направляя бедную животину в гущу прохожих. Люди возбуждённо ахали, бросались в рассыпную, ругались, грозили кулаками вслед... но не бежали жаловаться страже. И вот, едва я обогнал рыдающую старуху с младенцем на руках да увидел конечную цель своего пути – оставалось дорогу перейти, этот тип решил и меня сбить с ног.

Усмирять таких вот наглецов обращением в неподвижные статуи сложности не представляло. Это был самый простой, эффективный и не несущий проблем выбор.

Вот только магу без магии никак недоступный.

Я мог до посинения кричать: «Замри!», сурово топая ногой и грозно сдвигая к переносице брови, но это не произвело бы никакого эффекта. Для осуществления любого магического действия следовало приложить силу воли, а не гортани. Однако и просто прижаться к стене с намерением сохранить кости целыми мне не позволяло чувство собственной важности. Прежде всего, гордость – та ещё штука! Во-вторых, но далеко не в последних, сказалась привычка проявлять свою власть над событиями. Так что я выхватил меч и, делая резкий шаг назад, разрезал подпругу, нечаянно рассекая и шкуру животного. Ещё немного, и ноге всадника тоже бы не повезло. Умение владеть оружием являлось для меня делом второстепенным, и мечником я был посредственным. Не профаном, конечно, чтобы и вовсе клинок не обнажать, но и до мастера следовало учиться и учиться.

При этом, несмотря на самокритику, свой клинок я обоснованно считал лучше любого, что мог выйти из местных кузниц. Самое главное, сам металл. Это был сплав с отличными характеристиками. Да и заточка. Она делала лезвие острее бритвы. Не менее важна была и вязь трёх рун. Первая служила своеобразным приёмником энергии. Вторая обеспечивала для неё «ёмкость». Последняя черпала эту силу и при соприкосновении меча с чем-то материальным передавала негативный импульс, а именно страх. Я выбрал такое воздействие, а не огненные искры, холод или же электричество, так как знал, что сражаться в ближнем бою стал бы только в крайнем случае. И уже успел утвердиться во мнении, что ужас устранял любое сопротивление лучше чего-либо ещё. Зачастую противники цепенели, позволяя делать с собой, что угодно. Однако раненая пегая кобылка не была человеком, а потому пронзительно заржала, вставая на дыбы. Седло накренилось. Богатеичик вывалился из него прямо в высыхающую под жарким солнцем грязную лужу. Пьяным и дуракам всегда везло, а потому он встал, доказывая

верность сей истины. Этот негодяй остался жив и здоров вопреки всем моим чаяниям, да ещё и оскалился:

– Жить надоело, урод?!

– Это племянник нашего губернатора. Зря вы так, сударь, – шепнула мне предупреждение старуха, видимо посчитав, что я вздумал не себя, а её защищать, и, прижимая младенца покрепче, шустро засеменила прочь от дальнейших событий.

– Лошадь ловите, а то бед наделает! – прикрикнул из окна второго этажа кучерявый мужчина, заметивший, как захрипела готовая понести кобыла.

Совету не внял никто. Все смотрели, как лицо племянника губернатора налилось багрянцем, как он крепко сжал кулаки и, пошатываясь, попытался напасть на меня. В столь пьяном состоянии атака на кого-либо казалась скорее смешным, нежели грозным делом. И, выбирая вариант, отвергнутый ранее, я совершил плавный шаг в сторону. В результате замах подкосил бойца, и тот вновь рухнул на землю. На этот раз, ещё и разбивая себе нос. Когда он приподнял голову, то кровь потекла по губам и подбородку. Драчун застонал, прижимая ладони к лицу. Я же усмехнулся и, провожаемый взглядами да шепотками, пошёл дальше.

Дом Эветты немного фонил. Я это ощущал. Отсутствие мощи в теле ни коим образом не лишало меня возможности воспринимать импульсы от развитых органов чувств. Мне порой казалось, что магия сродни музыке. Кто-то слышал каждую ноту, а кому-то это никогда бы не далось. К счастью, я был из тех, кто обладал уникальным талантом и развивал его. Заимствование силы из потока смерти было удобно, но я никогда не отрицал важность самосовершенствования и завсегда умело собирал энергию самостоятельно. Поэтому, сейчас легко почувствовал остатки ранее используемой силы и разрушенных временем защитных оберегов. Неконтролируемые и крайне слабые остатки. В таком количестве они могли повлиять разве что на настроение, а никак не на самочувствие. Так что зря дом держали пустым, формируя из него некое подобие святилища.

При входе я обменял мелкую монетку на дозволение войти внутрь. И стоило мне это сделать, как ноги почти что упёрлись в ступени узкой крутой лестницы, на стене возле которой, как раз в пятне света от окна, висела небольшая, нарисованная на дереве картина.

И она мне кое о чём напомнила.

Ученичество закончилось через пять зим. Ещё два года заняло преодоление новой ступени неофита, но я не считал время. Наверное, оно важно только для тех, кто идёт к какой-то цели. Обретение знаний же и было для меня всем.

Какой при таком подходе смысл в ушедшем количестве месяцев?

Из тех, кто попал в ученики, путь продолжилось не так уж и много. Нас осталось около тридцати и было понятно, что станет ещё меньше. Неквалифицированных магов Чёрная Обитель не выпускала. Отбор был жесток. Послушание требовалось полнейшее... И Эветте последнее изо дня в день давалось значительно труднее, нежели мне. Она была чрезмерно воспитана, но на всё имела свой собственный взгляд. А с каждым прожитым годом ещё и становилась самоувереннее и своевольнее, превращаясь из девчонки-изгоя в прелестную девушку с ярким неоднозначным характером.

И вот в это время в мрачных стенах замка и произошло чудо. Иначе и не сказать. Старик-мэтр Алхимик, весьма довольный моей с Эветтой общей теоретической работой, с согласия Координатора совершил исключительное деяние – вывез нас, неофитов, за пределы Обители. Он хотел, чтобы мы получили реальные данные для углубления смелого и прогрессивного исследования. Местом назначения стал небольшой город Юдоль, расположенный пусть и у моря, но вдали от основных торговых путей. Мистически благодатный, а не превращающийся в полное захолустье, он вызвал у меня и Эветты уйму эмоций.

Начать с того, что мы знали только один дом – Обитель. Это было простое каменное квадратное здание в два надземных этажа с возвышающимися над ними башнями стихий. Ограничивало его два кольца стен, между которыми располагались хозяйственные постройки. Никто из учеников не знал, что там снаружи. А за пределами... а за пределами оказалось не так интересно, как виделось. Мы несколько дней добирались до Юдоли верхом, останавливаясь на ночлег в крошечных неказистых деревушках. И только в одной из них, самой первой, самой ближней к Обители, имелся постоялый двор в два яруса. Нам казалось, что мир невзрачен и неказист, но в Юдоле всё переменилось. Дома там располагались вплотную друг другу, выглядели добротно, и были не то что двух, а то и четырёхэтажными! Кроме того, повсюду эффектно ходили стражники в одинаковых доспехах, синих плащах и при оружии. Всё вокруг шумело. Людей было немерено – через пять дней должна была начаться ярмарочная неделя, посвящённая юбилею основания города. Ожидалось грандиозное празднество, на которое уже стекались все, кому не лень: и гуляки, и желающие подработать. После тишины Чёрной Обители подобное выбивало почву из-под ног. Мы взирали на цивилизацию, широко раскрыв глаза!

На нас пялились также.

Мэтр, будучи Алхимиком первой ступени, носил поверх своей добротной мантии медную цепь с символом, позволявшим определять его звание и ранг в иерархии Ордена. А Чёрные маги, несмотря на наличие в городе маленького Храма со своими служителями, не часто бродили по улицам. Тем более в сопровождении таратающихся на всё подростков в рясах, которые, если бы не чёрный цвет, больше походили бы на ночные сорочки. Так что мы определённо обращали на себя внимание. Сплетники с удовольствием зашумукались, делая самые невероятные предположения. Вслед они либо смеялись, либо складывали из пальцев замысловатые знаки, призванные защитить от всех бед человека их сотворившего. Полнейшая ерунда, но искренняя вера в такую ересь заставляла восхищаться способностями к убеждению распространителей «тайного знания».

– Мы получили ваше письмо. Странно, что до вас не дошёл ответ, – сказали нашему мэтру в Храме Тьмы. – С удовольствием приняли бы вас и не на четыре недели, а хоть на четыре года, но, к сожалению, вы выбрали для визита крайне неудачное время. У нас вот-вот не останется ни одной свободной кельи. И дело совсем не в грядущем празднике. Скажу честно, в Храме такая суматоха из-за того, что к концу ярмарки, возможно, прибудет наследник престола.

– Да что вы? – удивился мэтр.

– Король стареет, и королевичу наказано произвести осмотр будущих владений... Мы не знаем точно, посетит ли он Юдоль или всё-таки изменит маршрут, но для поддержания порядка Совет уже отправил к нам двадцать Соискателей и даже двух Аналитиков и Координатора первой ступени. Они должны прибыть со дня на день. Нам просто-напросто негде разместить вас!

– Что же, я в этом городе впервые. Может, посоветуете, где лучше остановиться с неофитами?

– С неофитами, – поджал губу маг-Аналитик третьей ступени, недовольно на нас посмотрев. – Не стоило бы их в мир раньше посвящения выводить.

– Всё с согласия мэтра-Координатора Чёрной Обители.

– Тогда найдите им другую одежду и выдайте за слуг! Всем от такой маскировки будет спокойнее. Вы же, наверное, не хотите внимание приезжающего Координатора привлечь? Он известен как строжайший блюститель правил. Ему может и не понравиться присутствие неофитов вне школы.

– Меня интересует исследование, а не одежда, в которой оно осуществляется. Так что ради нашего общего спокойствия я вашим советом воспользуюсь.

– *Весьма благоразумно, – успокоился Аналитик. – Первым делом займитесь их обликом, а там направляйтесь в харчевню «Заячья лапка». Она недалеко от главной площади, но, так как вход со двора, то она неприметна и достаточно тиха. Если не получится, людей-то с каждым часом приезжает всё больше и больше, то спросите у стражи как пройти к дому ремесленника Гастона Лекруа. Храм недавно делал у него заказ, и этот человек произвёл на меня благоприятное впечатление. Магу-Алхимику он не откажет. Правда, в благодарность вам наверняка придётся снабдить его новыми красками или ещё чем в том же духе. Он красильщик посуды.*

Вернувшись на улицы и посмотрев на толпу спящих людей, мэтр изменил первоочерёдность задач. Но в «Заячью лапку», как ни спешили, мы опоздали. Хозяйка на наших глазах сдала последние апартаменты, и, выражая сожаление, посоветовала другой хороший трактир. Но рекомендации проявившего участие Аналитика учитель доверял больше. Так что мы направились искать дом некоего Гастона. По пути, ибо буквально-таки наткнулись на лавку, зашли и за одеждой. Вещи выглядели уже ношенными, зато стоили суицие гроши.

Стоит сказать, ни мне, ни Эветте наряды не понравились, но я молчал, утешаясь, что моей подруге приходилось хуже. Мне-то всего лишь доводилось чувствовать себя обнажённым – штаны, хотя тогда так только казалось, чрезмерно обтягивали ноги, очерчивая гени-талиши. А вот Эветте, как и приличествовало девушке лет пятнадцати, достался не просто открывающий ключицы лиф, но и сжимающий тело корсет. Она была примерно на года два старше меня. Не так много, но в этом возрасте разница бросалась в глаза, а одежда её ещё и углубила. Я стал ощущать себя совсем мальчишкой. Долговязым и не складным.

Гастон Лекруа принял нас дружелюбно, хотя и откровенно пялился на Эветту. Её впечатляющая внешность привлекала даже больше внимания, нежели сопровождающий мэтр маг-Алхимик.

– *Да. У меня найдутся для вас две комнаты. Месяц назад дочка вышла замуж, и в доме стало совсем просторно.*

В голосе мужчины чувствовалась некая растерянность. Он не ожидал, что кто-то придёт к нему в дом с просьбой об аренде. Но в целом вёл он себя бойко и достойно. Привычка торговать с разными людьми не дала ему робко мямлить перед Чёрным магом. Да и сам он был по характеру смел, раз позволил себе сказать:

– *Сдавать, правда, я их не думал, но вас впустиу... Если сможете с красками, то и вовсе живите за так до кресня²!*

– *Хорошо, меня это устраивает. Ярмарка к тому времени завершится, и мы передем в Храм. Но если потребуется остаться у вас на более долгий срок, то возможно будет обсудить это ближе к делу?*

– *Возможно, – судя по скорости ответа согласился мастер Гастон машинально и только потом задумался. – И о деле... Тут, видите ли, уважаемый, нюанс такой. Готовить у меня некому. Сам я вдовец и либо к вдовой соседке хожу на ужин, либо чем придётся перебиваюсь. Дочка кухарничала раньше, но семья у неё своя теперь. Так что вам придётся самим у печи хозяйничать. Мне главное, чтоб там порядок оставался, а так хоть кикимору в котле варите!*

– *Весьма устроит.*

Мэтр сказал свои слова с присущей ему сухостью и серьёзностью, поэтому, как я теперь понимаю, красильщик сразу же пожалел о своих шуточных словах про кикимору. Но тогда я на него почти не глядел. Как вошёл, так сразу уставился на рисунки, украшающие вазы и

² Здесь и далее будут использовано следующее соответствие месяцам: декабрь – студень, январь – лютовей, февраль – снеженьмарт – капельник, апрель – первоцвет, май – грозникиюнъ – травень, июль – кресень, август – жнивеньсентябрь – ревуи, октябрь – хмурень, ноябрь – грязник.

тарелки, стоящие на витринных полках. До этого мне доводилось видеть лишь редкие гравюры в книгах, и они большей частью являлись не вымыслом, а ритуальными знаками. Изображённые на глине цветы казались настолько живыми, что я даже ткнул в них пальцем и прислонил нос, чтобы почувствовать аромат.

– Прекрати! – хмуро приказал мэтр. – Это чужие вещи и их не трогают без разрешения.

– Да пусть смотрит, – добродушно сказал Гастон, заметив мой искренний интерес. – У меня только одно правило – не разбивать. Во всём по итогу должен быть порядок... Понравилось тебе никак, малец?

– Очень, – сознался я. – Вы цветы на поверхность вживляете? Они такие настоящие.

– Что я делаю?

– Он их рисует. Это также как писать, только все буквы имеют смысл, а рисунок даёт лишь внешнее представление.

Ответ мэтра не особо-то и понравился Гастону, но он благоразумно промолчал и приступил к показу предназначенного нам жилья.

– Да. Эта комната мне подходит, – довольно заключил учитель, оглядывая небольшое помещение. Оно выглядело очень аскетично и идеально подходило для холостяка, каким был почивший брат хозяина дома. – Но всё же хочу взглянуть и на вторую. Вдруг там места больше?

– Было больше, пока Аннет, дочка моя, в возраст не вошла. Пришлось поставить ещё один шкаф и комод. Думаю, в ней лучше барышне обустроиться, – предложил Гастон, открывая дверь в куда как более безумную спальню с уймой цветущих растений в горшочках.

Запах от растений удушил. Мне он не понравился из-за приторности. Узкая кровать тоже оказалась одна. Так что я, войдя внутрь сразу за хозяином, недоумённо заозирался в поисках второго места для сна.

– Да, так и сделаем, – без колебаний согласился мэтр. Видимо, ему тоже здесь не понравилось.

... Но мне-то довелось почувствовать себя ещё и обделённым!

– А я? Мы не поместимся на одной кровати.

– Во даёшь! – поразился моему непониманию Гастон. – Разве можно такому взрослому парню с девушкой ночевать?

– Мы всегда спим вместе!

Когда-то мне было очень тяжело привыкать к тому, что Эветта делила со мной комнату. Я плохо спал, ожидая, что она вот-вот подкрадётся для издевательств. Мне мешал звук её дыхания. Меня раздражало присутствие «постороннего элемента», даже когда она молчала! Но она же и говорила. Часто! Она даже имела наглость порой касаться меня!... И всё же это осталось в прошлом. Когда из комнат для учеников нас перевели в помещения для неофитов, то, увидев, что в сожители мне предназначался какой-то прыщавый тип, я, не раздумывая, перенёс свои вещи в келью Эветты. Не всем по нраву столь кардинальные перемены и новые люди, даже если ты с ними порой встречаешься на общих занятиях... Тем более что Эветта хорошо читала книги вслух, умела правильно подстригать мою шевелюру, привыкла спать с открытыми ставнями, как любил я, радовалась и восхищалась вырезаемыми мною фигурками из дерева и умело оставляла свои задания, когда нужно было сосредоточиться на моих. Так что, застав в комнате подружки некую брюнетку, я разумно предложил съехать той в любое удобное для неё место и даже вежливо помог, тут же начав переносить её скудное имущество в коридор.

И вот теперь нам предстояло жить какое-то время отдельно. И я никак не мог этого воспринять! Мы делили жизнь напополам семь лет. И вся наша жизнь и состояла из этих семи лет!

– Как это? – ошеломлённо спросил Гастон, и мэтр уверенно солгал, угрюмо потирая седую длинную бороду, заплетённую в косу:

– Они брат и сестра. Их родители служили при Чёрной Обители, пока не умерли от болезни, так что им плохо известны мирские законы. Они приставлены ко мне на службу и под присмотр, покуда им не найдётся другой работы.

– Болезни? Эта девочка не... не больна часом?

– Нет. Она такой родилась.

– А-а. Ну, да под моей крышей девицы с парнями не ночуют, даже если они и родня друг другу! – заупрямился Гастон и похлопал меня по плечу. – Пристрою тебя внизу. Всё равно кухня пустует. Как зовут-то?

– Ответь ему, как к тебе обращаться, – приказал мэтр, когда пауза перед ответом уже ощутимо затянулась. И после ужасающих душевных метаний, я сумел выдавить из себя лишь часто используемое по отношению ко мне обзывательство Эветты.

– Арьнен.

– Гастон, подготовьте для Арьнена место. Мне нужно со своими слугами заняться делами. Ближе к вечеру, пожалуйста, получится отдать вам и краски. Предпочитаю расплатиться сразу.

– Да, как скажете, сударь Алхимик.

Ремесленник ушёл. Мы же с Эветтой прошли в комнату к мэтру. Тот тут же пристально оглядел нас и, задерживая на мне укоризненный взгляд, криво улыбнулся, заключая:

– Никогда не быть тебе Аналитиком, неофит.

Собственно, стезя шпиона да посредника между Чёрным Орденом и прочим миром меня и не прельщала.

– Мне виделось, что ваше обучение в Юдоле будет проходить иначе. Однако научиться справляться с ситуацией, что выходит из-под контроля, не менее важно, чем получить иные способности. Так что мы не уедем отсюда, пока не получим то, зачем приехали. Любой ценой и любыми ухищрениями. Вам понятно?

– Да, мэтр, – ответили мы с Эветтой в один голос.

– К северу от города на поверхность выходит энергетическая жила, известная как Эмэр'Альнен. Завтра доедем до туда и посмотрим местность. Дальнейшие действия будут зависеть от того, что даст осмотр. А до этого вам следует попрактиковаться в более простом искусстве. Качественные красители всегда в цене и уметь их готовить следует вне зависимости от будущей специализации.

Сказав это, старик-мэтр дал указание расположить на столе в его комнате горелки и колбы, организовывая своеобразную походную лабораторию, а сам отправился за покупками соответствующих ингредиентов. Пока ещё не стемнело, и лавки были открыты. Справились мы с Эветтой быстро настолько, что даже заскучали в четырёх стенах. И, решив, что никакого запрета на то, чтобы спуститься вниз в мастерскую, не было, дружно зашагали по лестнице. Гастон сидел за прилавком, на который из окна падал прямой солнечный свет, и водил тонкой кистью по невзрачному бурому горшку. Увидев нас, он улыбнулся.

– Что-то вы совсем грустные и тощие. Не кормят в Обители, что ли?

– Тех, кто работает, кормят, – честно ответил я, заморожённо наблюдая, как из-под его руки выходит чудесный лист замысловатого растения. Гастон отчего-то рассмеялся, но мне это было не важно. Внутри горело желание.

– Можно попробовать тоже?

– Не думаю. Испортишь заготовку только.

– Вообще, Арьнен вырезает красивые статуэтки из дерева, – тут же вступилась за меня Эветта. – У него может получиться.

– Ну, раз из дерева, то пусть на этой дощечке и пробует. Держи, – он протянул мне измазанный в глине небольшой кусок доски в ладонь шириной. – Вот кисти. Смотри, как я делаю.

Процесс выглядел простым. Насколько мне стало понятно, сложность составляло только правильное смешивание оттенков при перенесении воображения на нечто материальное. Но сама задумка! Она позволяла так точно передать то, что не могли выразить слова. Восторгаясь идеей, я понаблюдав за действиями Гастона, а затем сел подле него на пол и приступил к созданию своей первой картины.

Когда-то мне было тяжело держать в руках даже столовые приборы. Теперь же кисть, как перо, уверенно легла меж моих пальцев и, как это бывало и во время моего баловства с вырезанием фигурок, сознание утратило связь с окружающей действительностью. Мысли истончились до полного отсутствия. Имелось тело-исполнитель, имелась задача. Прочего – не существовало. И это было прекрасно! Любая дума по итогу рождает сомнения. И чем больше этих сомнений, тем ты слабее.

– Да у тебя талант, парень! – вывел меня из глубин безвременья Гастон, уважительно кладя руку на плечо.

... Отчего люди считают, что обязательно прикасаться друг к другу?!

Усилив воли я отодвинулся как можно более плавно, а потом посмотрел на свой рисунок, как будто до этого и не видел его. На нём хорошо различалась часть морды и уже понятно, что лошади. О том, что сначала обычно рисуют эскиз или контур, мне было неизвестно. Я рисовал так же, как писал. Слева направо.

– Чем ты там у магов занимаешься? Я бы с удовольствием взял тебя в подмастерья!

Глава 3

Да. Именно эта дощечка с изображением мчащейся лошади и висела на стене. Эветта сохранила её оказывается, хотя краски от времени сильно потускнели. Мне захотелось снять деревяшку со стены, чтобы восстановить цвета, но пожилая женщина, бдительно следящая, как бы паломники не растаскали дом на амулеты, мешала сделать это. И интерес мой заметила.

– Очень искусная работа. У нас иногда просят её продать, но мы отказываем. Это одно из немногих, что осталось из личного имущества Белой Леди.

– Личного? – недопонял я. – Разве этот дом не её?

– Нет, – улыбнулась женщина. – Она арендовала его... и владелец затребовал в разы больше, когда сюда потянулись паломники. Так что вы если можете, по уходу добавьте монету на сохранение её дома.

Грустным взглядом она указала на деревянный короб с прорезью для денег. Я подошёл к нему и, не глядя, вытащил из кошелька монету, чтобы бросить в щель. Выпала золотая...

Что же. Я сам решил действовать наугад, так что нечего жалеть и думать, где такие деньги могли бы пригодиться.

Монетка упала на дно. Я же повернулся к строго одетой женщине и спросил:

– А что ещё здесь осталось из её личных вещей? Самых личных, как эта картина.

– Не так много. Почти всё Белая Леди забрала перед исчезновением, – с сожалением вздохнула та. Она видела размер моего подаяния и в благодарность хотела услужить как можно лучше. – Давайте старая Ниамбэ всё покажет и расскажет. По всему дому проведу.

– Ниамбэ? – удивился я имени. – Хрустальная Грусть?

– Да. Вообще я Берта, но так меня называла Белая Леди. Вот и прижилось.

– Прижилось...

Глупая улыбка снова возникла на моём лице.

Более четырёх поколений назад завершилась война, в результате которой почти стёрлась царившая ранее культура. Да и последующий скорый уход эльфов из мира этому способствовал. Осталось несколько древних монументов, заброшенных, зачастую разрушенных или же перестроенных строений, да старый, стремительно умирающий язык, иногда называемый райданрунским. На нём-то Эветта и любила всем и всему давать собственные имена. И, стоит сказать, у неё это неплохо получалось. С её лёгкой руки появилось много кличек. При мэтрах то все обращались друг к другу обезличено, как и положено, но у нас, учеников, ещё имелаась потребность поступать иначе. Мы не умели толком вкладывать в слова импульс, позволяющий определять, о ком именно шла речь.

– Ну? И какой же ты Бешенный? – фыркнула девочка-альбинос после первой недели ученичества, проведённой в полном игнорировании меня.

Собственно, вёл я себя также, как и Эветта. Это был взаимный бойкот. С тех пор, как нас поселили в одной комнате, мы не разговаривали друг с другом, держались противоположных углов и строго соблюдали никем не установленную границу.

Дни же проходили совсем иначе, чем во внешнем дворе, но по-прежнему размеренно. Утро теперь начиналось с обязанности умыться и выстроиться на улице, несмотря на то, какая погода. Там все вслух произносили устав, а затем послушно приступали к любым общественным работам, назначенных нам неофитами. Мы натирали полы, стирали бельё, таскали поленья, чистили нуржники, носили воду из колодца и, в конце концов да с огромным энтузиазмом, накрывали столы в большой столовой. После тяжёлого труда удар гонга, возвещающий, что наконец-то дозволялось поесть, звучал лучше пения птиц и представлялся прекраснее сияния звёзд ночью. Только вот обедать нормально не давали. Меж рядов со скамьями ходили суровые неофиты, зорко поглядывающие, чтобы никто не забывал про столовые приборы, салфетки, пережевывание с закрытым ртом и прямые спины. Любое их неодобрение – и трапеза мгновенно завершалась. Так что на третий день ученичества вилка наконец-то перестала выпадать у меня из рук. Затем сытые (или голодные) мы снова умывались и расходились по так называемым кабинетам, где проходило дальнейшее обучение. Здесь Эветта и я попали в разные группы. Она была умницей, а я ещё только постигал самые азы, необходимые для учения.

Собственно, в тот вечер у меня было тяжёлое задание. Я занимался тренировкой самостоятельного чтения, сидя за столом возле окна. У нас в комнате так было. Длинное узкое

зарешечённое окно, вдоль которого стояли разделённые перегородками столы. А над ними уже кровати... Так вот, я сидел и читал. И, сознаюсь, читал я крайне плохо. Мычал скорее. Понятно почему Эветте, не имеющей возможности никуда уйти в столь поздний час, это и надоело слушать.

– Ну? И какой же ты Бешеный? – фыркнула она и заключила. – Ты тупой!

– З. Е. М. Л. Я. Земля.

– Т. У. П. О. Й. Тупой!

Это сейчас мне понятно, как раздражают те, кто не умеет, казалось бы, элементарного. Тогда мнение было иным. И на счастье Эветты, я уже мог выразить его несколько иначе, чем кулаками.

– Заткнись, пока не врезал! Книга интересная. Хочу знать ещё, – блистая зачатками воспитанности, попросил я Эветту не мешать и продолжил. – П. О. З. В. О. Л. Я. Е. Т. Позволяет. Б. Р. А. Т. Ть. Братъ. С. И. Л. У. Силу...

Она громко выдохнула и продолжила попытку заплести волосы косичкой вокруг головы. Даже нацупанная крошечная выбивающаяся прядь заставляла её переплетать всё заново, добиваясь совершенства причёски. А тут и вовсе бедствие! Стебельки трав, которые она использовала, чтобы закрепить все итоги своих мучений, бессовестно рвались. Ничего не выходило.

– Арьнен, – вдруг обратилась Эветта ко мне с отчётливо прозвучавшей в голосе задумкой и намёком на будущую просьбу.

– Я не Арьнен.

– Бешеный.

– Не Бешеный.

– Ну, а кто тогда?!

– Не знаю.

– Не знаю! – забыв про манеры, передразнила она. – Я вот Эветта.

– Что значит «эветта»? – наконец-то заинтересовался я, переставая воспринимать её, как нечто мешающее и гадостно назойливое.

– Тонкая веточка.

– Ты не дерево, – объяснил я ей всю глупость такого имени.

– Но мне нравится, как это звучит. И нравится представлять, что я похожа на гибкий прутик. Его сложно сломать. И хлещет он по коже как хлыст! Поэтому и Эветта.

– Понял.

– Что понял?! – начала закипать она от моих односложных ответов. – Я с тобой сокровенным поделилась! Наверняка тебе тоже нравится представлять себя кем-то?

– Нет.

– Ладно. Нет, так нет! Но тогда выбирай. Либо я буду звать тебя Урвен, либо ты Арьнен.

– Что значит «урвен»?

– Тупой... Очень тебе подходит!

– Я не Урвен.

– Всё. Определились. Ты – Арьнен.

– Я не...

– Арьнен, – нагло перебила она. – Ты сегодня не успеешь дочитать да конца даже страницу. Запасную свечу у нас сгрызла крыса. Твой огарок долго не прогорит, а уже темнеет. Скоро ничего будет не видно.

– Да, – я с сожалением уставился за окно.

Книга была тоненькой, интересной. Её начал читать нам мэтр, а затем дал на самостоятельное изучение. Мне она досталась первому, но очерёдность требовала, чтобы до зав-

тра я закончил с ней. Время на изучение вышло. А неосвоенными оставались ещё с двадцать страниц!

– Давай я тебе прочитаю остальное вслух.

– Как мэтр?

– Как мэтр.

– Он хорошо читает.

– Я тебе тоже хорошо читаю, Арьнен, – уверила меня Эветта. Прозвучало очень убедительно. – Всё, что я хочу, так это чтобы ты сделал мне шпильки или гребешок.

– Что сделать?

– Ты же вон какие фигурки вырезаешь, – она кивнула в сторону моих деревянных статуэток, заботливо расставленных на полочке: лошадки и собачки. Ради них я стащил из поленницы полено, а с кухни ножничек, так захотелось сделать. – Не составит труда мне помочь.

Она взяла мел и нарисовала на покрытой глиной стене, служащей своеобразной доской для записей, то, что хотела от меня получить. Выглядело всё очень просто... а мне ужасно хотелось узнать, что же там таилось в оставшихся страницах!

– Хорошо, – согласился я и с опаской, как будто ждал подвоха, подал ей книгу.

Пальцы Эветты едва не коснулись моих, так что ладонь я отдернул быстро. Рука несколько затряслась и, чтобы скрыть дрожь, я вытащил из тайничка ножничек и начал энергично вырезать деревянную штучку, о которой она меня просила.

– Земля позволяет брать силу и возвращать её обратно, – речь беловолосой девочки звучала ровно и плавно. – Земля склонна дарить себя другим стихиям и является основой жизни. Её сокрушают бури, разрушает вода и опустошает огонь...

– Чего так улыбаешься? – мягко поинтересовалась Ниамбэ-Берта.

Я аж встряхнул головой. Воспоминания, которые до этого дня преспокойно покоились на дне моей памяти, вдруг скопом ринулись на поверхность, мешая заниматься настоящим.

... И всё же было бы невероятно смешно представляться богам как Тупой или Цыплёнок!

Я усмехнулся, хотя, с высоты сегодняшних дней прекрасно понимал, как права была Эветта. Замкнутый из-за боязни других людей ребёнок-дикарь. Одиночка. Я всё время ждал нападения. Бился как хищный зверь, но в душе трясся от страха, как... цыплёнок. Не верил и не доверял никому. И пусть моё мышление в результате этого оказалось не заточено под общепринятые рамки, пусть в последующем генерировало нестандартные и значимые идеи, но изначально оно не имело под собой почти никаких знаний. Даже об элементарных правилах поведения... Не знаю, какое прошлое принадлежало мне до Чёрной Обители, но повторюсь и буду повторять до бесконечности – я несказанно благодарен судьбе, что некий Квалификатор решил, что из меня выйдет толк на магическом поприще!

... И, пожалуй, мне стоило быть благодарным Эветте. Без неё я бы не стал учеником. И вряд ли бы закончил ученичество. Мэтры учили нас, но не самозабвенно. Это только благодаря ей я так быстро освоился с чтением и письмом. Стал тем, кто я есть...

– Эй, юноша? – забеспокоилась Ниамбэ.

– Да, всё хорошо, сударыня. В голове сегодня просто какая-то каша! – вполне честно ответил я. – Не могу толком сосредоточиться.

– Болит, что ли? Чай с мятой – верное средство!

– Пожалуй... Так вы дом показать предлагали?

– Да. И называйте меня просто Ниамбэ. Какая я вам тут сударыня?

Дальнейший осмотр не поразил. Побитое зеркальце в ажурной раме, шерстяной плед, баночки с уже испортившимися ингредиентами, склянка для алхимических опытов, неполный расписной сервиз, потрёпанная пара туфель и ещё одна без пары, широкая колыбелька на дуго-

образных полозьях с висящим поверх колёсиком, к которому цеплялись резные разукрашенные деревянные фигурки.

... Одна из них точно вышла из-под моей руки, но я никогда свои работы не раскрашивал!

– Скажите, Ниамбэ, – наконец-то интуиция почуяла желанный след. – А Белая Леди не была ли дружна с каким-нибудь художником?

– Нет, вроде.

– А с красильщиком? Слышал, – действовал я наугад, – что вроде как некий Гастон Лекруа к ней хаживал. Да и сервис, что вы показали, вроде бы индивидуальной работы. Больше похож на подарок.

– Ой! Точно хаживал! Только это не он к ней, а наша Леди к нему. Хороший был мастер, пока не ослеп. А ослеп уж давно. Она всё старалась ему помочь. Только безрезультатно. И полгода не пройдёт, как глаза вновь лечить надо.

– Жив ли он ещё?

– Думаешь, больше моего о Леди расскажет? – надулась Ниамбэ. – Я-то ей частенько прислуживала за её доброе сердце. А он-то кто? Больной, каких много к ней обращалось!

– И то, верно.

Согласился я, чтобы не привлекать внимание. Женщина взревновала. Если углубиться в просьбу, то она бы меня долго ещё вспоминала. А зачем мне лишнее внимание, когда Гастона и так можно найти?

Выйдя на улицу, я обнаружил, что солнце за пределами дома продолжало жарить так, как будто лето не собиралось заканчиваться. Жёсткие тяжёлые листья деревьев тянулись к свету, намереваясь не покидать насиженных мест, хотя их прожилки уже должны были начать менять цвет. Ещё пара недель и ревун сменил бы жнивень, но отчего-то среди небольшого оазиса сорной травы расцветал куст весенних одуванчиков, перепутавших время года. На жёлтую махровую ароматную поверхность цветка присела бабочка. Эвенте всегда нравились эти создания. И я, словно считая себя обязанным сделать ей приятное, с несколько секунд любовался простыми фиалковыми крылышками, пока какой-то мальчишка не швырнул в насекомое камень. Бабочка проворно вспорхнула и в поисках спасения села мне на плечо.

– В меня-то кидаться не станешь? – поинтересовался я у карапуза.

Мне казалось, что говорил я шутливо, но мальчик всё равно испугался и убежал. Я провожал его взглядом, пока он не скрылся из виду. А затем пальцы сами собой потянулись к бабочке, и неожиданно она ловко перепорхнула на мою ладонь. Я тут же застыл, как если бы миг назад и не думал избавиться от воздушной красавицы. Мне стало интересно, что будет дальше. Бабочка аккуратно заперебирала крошечными лапками, поворачиваясь ко мне. Потом грациозно расправила крылья, словно целовала на прощание, да поднялась в небо и улетела. Мне же нужно было в другую сторону. К площади. Так что, отворачиваясь, я хотел было двинуться туда, но не успел. Пара стражников без предупреждения скрутила мне руки и резво потащила к стоящему поодаль офицеру с неприятной хитринкой в глазах. Он потирал куцую седую бородку, оценивая пленённого его людьми человека, и, когда меня, подтащили ближе к нему, грозно спросил:

– Так это ты, падаль, Энтони Ореста, лорда Вислика избил?

– Пальцем его не тронул! – честно ответил я, одновременно пытаюсь распрямить спину. Но за желание выглядеть гордо только получил подзатыльник.

– Да уж слышан. Свидетели всё растрепали, а невозможными подробностями весть ещё не обросла, – офицер усмехнулся и после, пробежав по мне задумчивым взглядом, вполне так доброжелательно произнёс. – Эх, молод ты ещё для виселицы! Сделаю подарок твоим родителям. Ведь, если бы у меня были дети, то я бы пожелал им спокойной и долгой жизни. Спокойная у тебя, по роже видно, вряд ли получится. Пусть станет хотя бы долгой.

– Это вы к чему?

– Нам губернатор пока никаких особых указаний не давал, но в избалованном племяннике своём он души не чает. Так что давай я возьму с тебя штраф за нарушение порядка, а ты по шустрому покинешь Юдоль... Штраф в тройном размере, разумеется. Ребятам вот надо монет выдать горло промочить, да и меня журить начнут, что не задержал опасного преступника. А нервы дорого стоят!

– Да. Нервы дорого стоят, – согласился я. – Руки вот тоже. Может, хватит их мне заламывать?

– Пустите его. Разумный вроде парень.

Получив свободу, я мысленно проклял запрет на использование магии. Быть обычным человеком мне никак не нравилось. Приходилось действовать иначе, чем хотелось или было привычно.

– Сколько штраф?

– Двадцать серебряных.

Сумма выглядела впечатляющей, но и я выглядел богато. А, может, офицер брал в расчёт ещё и торг. Однако сбивать цены я умел плохо, а кошель и так изрядно похудел за считанные пару часов. Мне же, скорее всего, предстояло ещё потратиться за пределами Юдоли. Малец возле конюшен наверняка оказался прав. Эветта скрывалась в этих краях, но никак не в городе. Легко понять, что будущие изучения местности требуют не столько времени, сколько затрат за слухи и наводки.

... В конце концов, жадность перевесила желание оставаться инкогнито.

– При себе у меня такой суммы нет, но мы можем пройти к Храму. Его настоятелю крайне важна моя свобода.

Сказав это, я вытащил висящую на шее цепочку с кулоном в виде серебристой пластины. На металле крепился алый камень, мерцающий, словно не существующие в этом мире красные опалы.

Мой ранг был вне общеизвестной структуры Ордена. Чёрным магом я так и не стал, а потому никакого должностного амулета местным регламентом мне не полагалось. Однако моя близость к Хозяевам ставила меня над Советом, и обозначить служение Тьме следовало. Путь мог лежать в разные города. Чтобы получить помощь и поддержку от Ордена в любом из них, я всё же получил отличительный знак. Обычно его давали людям, не особо владеющим магией и нанятым для выполнения какого-либо однократного задания. Даже магам требовались услуги специалистов! Поэтому особенностью этого амулета было то, что по завершении миссии или передаче в другие руки камень на нём разрушался, отнимая у владельца прежние благодати. И если говорить о благодатях, то хотя королевские законы на таких исполнителей всё равно действовали, как же они порою смягчались! Король официально правил страной. Королём неофициально правил Орден.

Другими словами, чинить мне препоны не рекомендовалось.

– Так вот ты чего такой храбрый то был, – рассматривая пластину, вновь усмехнулся офицер, но уже как-то нехорошо. Мерцание камня выглядело донельзя магическим. – Что же. Не возьму с тебя ни монетки!

– Сидеть срок я не стану.

– Ну, да и не надо... Ты же бард вроде? Писать, значит, умеешь?

– Умею, – давая себе зарок переодеться как можно быстрее, ответил я.

– Так давай. Пошли. Напишешь, что да как. А я потом скажу, что столь представительный тип убедил меня в самозащите. Пусть губернатор на Храм посерчает. А то его настоятель всё ратует, что надо либо стражу сокращать, либо платить нам меньше.

За время дороги к дому стражи я всё время размышлял, стоит ли мне в будущем заниматься мезтью или нет. С одной стороны, маг, вроде меня, никак не мог допустить подобного

отношения к себе, а с другой – так магу, вроде меня, полагалось бы сразу всех неугодных на место поставить.

Та ещё дилемма, да? Но, так как я её для себя не закрыл, то кончилось всё дело созданием документа, и на это мне ушло около часа. К счастью, подписывать объяснительную не пришлось. Достаточно было, как обычно делали Чёрные маги, приложить пластину к листу, чтобы на нём возник оттиск, позволяющий определить написавшего. А то кем бы мне представляться? И если быть честным, в целом я остался доволен заключительным росчерком в истории с лордом Висликом несмотря на то, что солнце начало опускаться с высоты небосклона. Время не желало давать никаких поблажек.

Ноги устали от длительной безрезультатной прогулки. Память с лёгкостью воспроизводила моменты прошлого, порой узнавала места, но отказывалась подводить меня к нужному дому. Поэтому я схитрил да воспользовался услугами старенького чистильщика обуви. Заодно и на стуле посидел, делая передышку, и нужное выяснил, и сапоги приятно заблестели, продолжая путь по деревянным мостовым.

– Чего надобно? – открыв дверь, с неприязнью поинтересовалась худая как жердь женщина, за латаную юбку которой держалась светло-русая девочка лет пяти-шести. Траурный наряд женщины навёл меня на печальную мысль, что я опоздал с визитом. Но тут из глубин дома донеслось весёлое девичье хихиканье, принёсшее мне некоторое облегчение – недавние похороны такого смеха не вызывают.

– Хорошего вам дня, сударыня. Я мастера Гастона Лекруа ищу.

– Зачем это он тебе понадобился?

– Он когда-то меня в подмастерья приглашал.

– Если и приглашал, так ты на десяток лет опоздал, – грубо произнесла та, отпихивая девочку назад себя. – Мой отец уже давно кисть в руках не держит... Да и, судя по одежде, на хлеб ты умеешь зарабатывать!

Далась им всем эта одежда!

Женщина вдруг, ни с того, ни с сего, посмотрела на меня с куда как большей доброжелательностью. Даже изобразила кривую радушную улыбку. И всё это, как и внезапное предложение зайти внутрь на чай, поражало своими переменами, пока она не представила двух своих старших дочерей.

Девушки были молодыми, но уже на выданье. Их года требовали менять скромные наряды на что-то более соответствующее возрасту. Однако, судя по заплатам, потрёпанным рукавам и подолам, альтернативы у семейства не имелось. Так что покуда матрона ставила на огонь чайник и причитала, что вот-вот заварит травы и поможет отцу спуститься к уважаемому гостю, те могли только сверкать одинаково красивыми тёмными глазами да пытаться развлечь меня беседой.

Но о чём мне с ними было беседовать?!

Герда, давайте с вами обсудим распад частиц материи, которые составляют всё живое? А вы, Мишель, будете помладше. Поэтому, давайте я задам вопрос попроще. Где бы вы провели свободный от забот день? В каком мире? Что бы вы сделали, если бы его хранитель был против вашего визита?

В самом деле! Даже когда мне было столько же лет, сколько им, то у меня как-то почти не находилось общих тем со сверстниками. И несмотря на то, что жизненный опыт сделал невозможное, насильно прививая такому заядлому интроверту как я хорошие навыки общения, темы я до сих пор предпочитал определённые, мастерски избегая примитивизм в любом его проявлении. В целом, когда в заданиях Хозяев появлялись промежутки, я устремлялся к

манящим меня мирам. Изучал их. Пробовал на вкус, как изысканный деликатес. Мне никогда не хотелось объять необъятное. Если отщипнуть от десерта кусочек, то можно получить наслаждение. Если же от жадности проглотить торт целиком, то просто-напросто разболеется живот! Несомненно, во время подобных визитов доводилось заводить разговоры с самыми разными существами. Но продолжал общение я далеко как с немногими. И от вынужденного, прямо-таки насильственного нынешнего старания поддержать разговор, Герда и Мишель лишь утрачивали очарование с каждым произнесённым словом. Они казались мне сродни красивым картинкам. Их приятно созерцать, держать в руках, выставлять напоказ. Но не более того. Им не следовало оживать, меняя молчаливую красоту на не прельщающую серость.

... Меня не часто охватывало такое желание, и всё же этих девиц мне захотелось убить, словно какому-то маньяку с парадоксальной целью. В их смерти мне чудился сакральный смысл, которое остальное человечество, увы, никогда не смогло бы принять.

– Вы зверобой завариваете? – почувствовал мой нос запах, прежде чем глаза уловили знакомые засушенные черенки. – В сочетании с листьями смородины?

– Да. Этот чай – семейный рецепт. Знание трав мне по наследству досталось, – довольно посмотрела на меня мать семейства. – Тоже разбираешься? Хорошо?

– Достаточно, чтобы попросить вас не переусердствовать с концентрацией, сударыня. Красный цвет красив, но я не люблю подобную горечь.

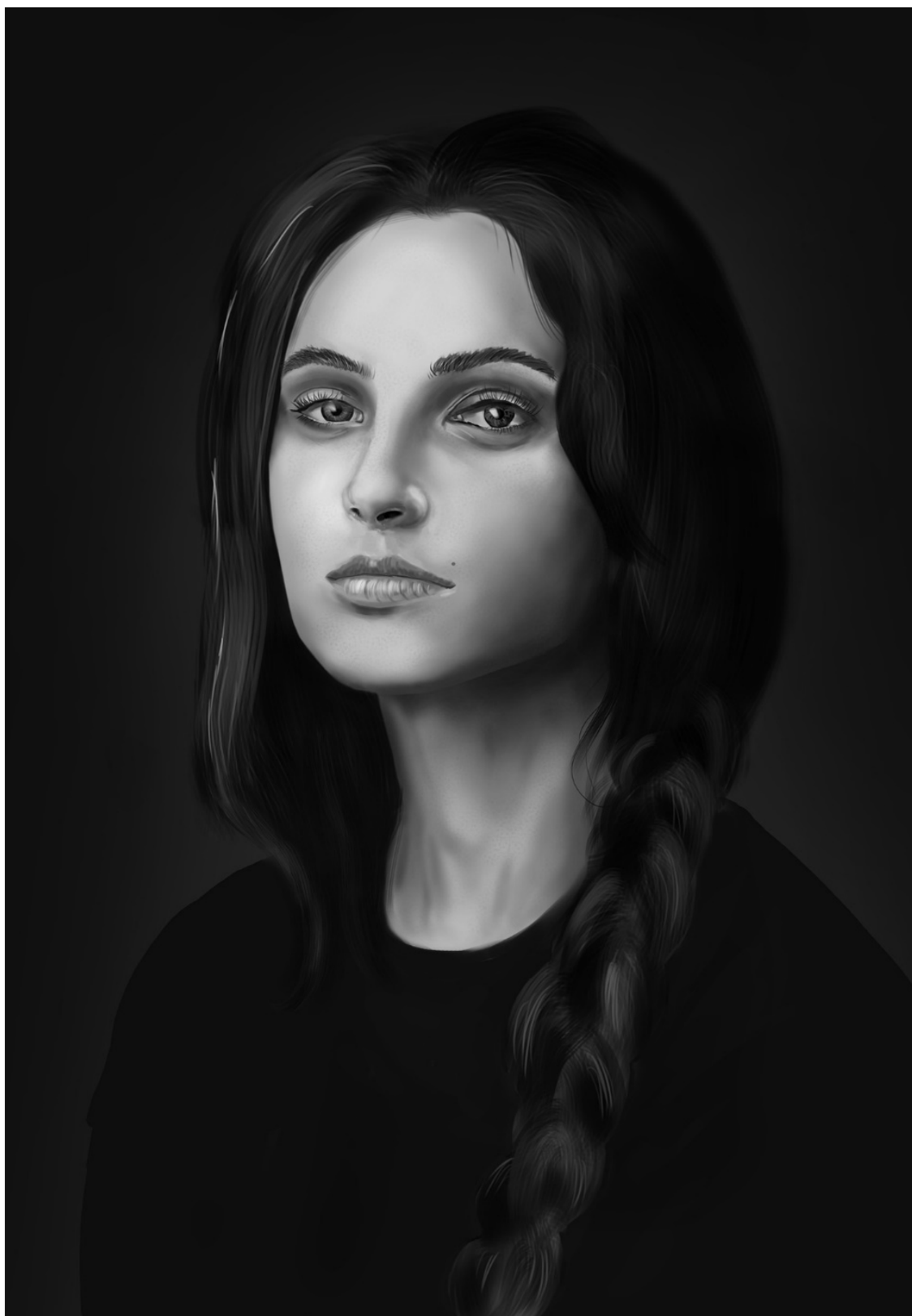
– А мне нравится! – смело произнесла Мишель, накручивая на пальчик каштановый локон своих волос. У её сестры волосы были того же цвета, но не вились. – Так привкус воды не ощущается. Что-то не то с колодцем последнюю неделю.

– Ну! Запугаешь сейчас гостя, – проворчала женщина, добавляя в отвар дополнительную ложку мёда. – Не слушай её. Привередничает просто.

– Не привередничаю! – упрямо процедила та, несмотря на толчки ногой Герды под столом.

Видимо, молодость ещё позволяла ей выражать собственное мнение. Не так женихи пока манили, чтобы во всём им потакать. И мне захотелось, чтобы подобная черта не оставила эту девочку. Искренне захотелось. Ведь именно с желания идти вопреки чему-то и начинается, пусть и тернистый, но собственный путь. Кто знал? Может, именно моё поощрение, совершенное именно сейчас, сделало бы её по итогу другим человеком? Так что, испытывая порыв повластвовать над судьбой, я подошёл к огню, ловко вытащил под женское оханье крайний уголок и, достав из внутреннего кармана плаща свиток, который некий бог отказался принять, стал сажей рисовать на чистой стороне.

– Ты, когда возмущаешься, становишься очень красивой.

С этими словами я показал Мишель её быстро набросанный портрет. Картина была простой, но яркость гордого взгляда передать удалось идеально.

– О, это чудо просто! – восхитилась Герда. – Дед рисовал только цветы... Можешь и меня нарисовать?

– Нет.

– Почему? – надула она нижнюю губу и завистливо поглядела на сестру, проводящую пальцем по линиям на бумаге.

– Мастерство позволяет лишь более-менее чётко передать облик. Всё остальное зависит от того, что натура способна показать миру.

– Разве я не красива?

– Красива. Только картина останется пустой и безжизненной.

– Ты странный, – заключила Герда и рассердилась. – Пришёл не пойми откуда! Чем вообще занимаешься?

– Имеет значение?

– Имеет, – несмотря на косые предостерегающие взгляды матери, девушка продолжила свои настойчивые расспросы. – Кто таков?

– Я же представился. Арьнен.

Они не смеялись над именем. Элементарно не знали, что оно означает.

– Арьнен-Стражник? Арьнен-Торговец? Арьнен-Кузнец? Арьнен-Портной?

– Ничего из этого. Я брожу. Везде, где придётся. И ничего более. У меня нет своих целей.

– Обычный нищий!

– Странник, – тихо вставила Мишель, нехотя подталкивая ко мне лист со своим портретом. – Тех, у кого нет дома, иногда зовут странниками.

– Так ты бард? – подпирая руками бока, грозно подошла ко мне мать семейства.

Вот мне и встретился в этом городе человек с непредвзятым взглядом. Интересно только за кого она меня приняла?!

– Если необходимо, то могу сложить песню. Но не более того, – честно ответил я. – Так что ваша дочь права. Я всего лишь странник... Странник.

Слово «странник» обожгло моё нутро приятным теплом. Как бы ни были правы боги, называя меня Предвестником, но мою суть отражало совсем иное слово. Мне не было заботы до их наивысших тревог, противостояний и смертных битв. Я, несомненно, любил власть, но ещё больше любил узнавать, изучать, познавать, видеть, чувствовать. И именно это толкало меня беспрекословно выполнять поручения Тьмы. Служение ей лишало меня себя самого. И даровало мне самого себя. Ценнейший дар.

– Бродяга, – презрительно произнесла матрона. – А вырядился-то как вельможа какой!

– Простите! Не могу оправдывать всех ожиданий! – начал уже сердиться я. Прошло уже с полчаса, а дело, ради которого я сюда столь спешил, не продвинулось ни на миллиметр! – И, собственно, мне хотелось увидеть именно мастера Гастона, а не развлекать всех историями о себе.

Возмущённо фыркнув, женщина подобрала юбки и направилась вверх по лестнице. Герда поспешила за ней, провозглашая, что намеревалась в чём-то там помочь. Мишель, скромно и виновато потупив взгляд, осталась подле меня.

– Я могу оставить себе рисунок? – наконец, набираясь смелости, спросила она. – Мне он очень понравился.

– Только хорошенько закрась надписи с другой стороны, – не стал возражать я.

Не век же за пазухой таскать не нужную уже вещь!

– Там что-то плохое написано? Я не умею читать.

– Да, – Мишель и так бы не прочитала иероглифы Тьмы, но ни к чему подобное было сообщать. – Именно так.

– Спасибо вам, Арьнен.

– Странник, – поправил её я. – Мне понравилось, как ты меня назвала. Это лучше прежнего имени. Намного правильнее.

– Это слово какое-то странное для имени.

– На то я и странник, чтобы быть странным!

Мы улыбнулись друг другу. Отчего-то Мишель стала нравиться мне, хотя она совсем не была в моём вкусе. Слишком юная, слишком наивная, слишком скромная, слишком темноволосяя и темноглазая, но я вдруг испытал острое влечение, которое давно уже не испытывал. И эта девушка, по-женски улавливая изменившееся к ней отношение, вдруг покраснела да, перегибаясь через стол, быстро чмокнула меня в щёку, пока не вернулись вероятные свидетели её безрассудства.

Наверное, стоило воспользоваться моментом. Стоило шёпотом договориться о тайной встрече или просто взять её за руку и уйти, но я знал, что после она бы уже никогда меня не заинтересовала и предпочёл мимолётному наслаждению оставить в своей памяти впечатление, которое приятно время от времени смаковать. В мирах полно девиц для развлечений. Встретить бы ту, с которой захотелось бы чего-то большего... как с Эветтой.

Моё сознание и тело вдруг охватила необъятная глубокая тоска. Каким бы исключительно комфортным ни являлось собственное одиночество, люди, даже такие отшельники как я, не могли не испытывать тяги к совместному бытию. Мы зарождались при слиянии отца и матери. Развивались в женщинах, пока рождение не разлучало тела. И только потом росли в полной разлуке с другими людьми, чтобы жажда обрести единство с кем-то, в конце концов, превозмогла прочие желания.

Глава 4

– Кого мне там видеть? Зачем? – послышался с лестницы хриплый, скрипучий голос, полный нестарческого возмущения. – Я же всё равно слеп!

– Это тебя видеть хотят, дедушка, – с раздражением пояснила Герда. – С тебя будет достаточно услышать.

– Зачем, дочка? Я же не вижу звуков!

– Их слушают. Слушают!

– Кто слушает? Как глаза могут слышать?

– Я предупреждала! – сурово обратилась ко мне матрона. – Мой отец совсем не в своём уме. Белая Леди вместе со зрением возвращала ему разум, но её давно уж нет. Так что на многое не рассчитывай, бродяга!

– Кто бродяга? У нас гости, Аннет? – беспомощно пролепетал старик. – Они купят мои тарелки? Я ведь на днях рисовал такой хороший сервиз...

– Это я, мастер Гастон. Арьнен. Вы меня помните? – внимательно оглядывая красильщика, произнёс я.

Тот не был сумасшедшим. Ему просто нравилось притворяться так из-за увечья. Так оно становилось несущественным для него. Но подобное актёрство могло однажды и поглотить своего актёра.

– Кто Арьнен? Знакомый голос, но лиц нет. Ничего не вижу, как во сне. Пора спать... Зачем меня сюда привели?!

– Понял? – с укоризной сказала Аннет. – Ничего он тебе не расскажет... Только хлеб проедает старый дурень! Так что иди отсюда своей дорогой.

– Пойдите.

Подойдя ближе, я бегло осмотрел глаза Гастона. Потеря зрения, пусть она и была старческим недугом, всё же основывалась на болезни. Потому лечение Эветты столь мало помогало. Ослабленный иммунитет вновь и вновь открывал дорогу примитивной инфекции. Побороть её было просто. Остановить новое появление – невозможно.

Условие нынешнего задания заставило меня добровольно остановить прохождение через себя потока смерти. Только глупец считает, что маги сохраняют в себе некий резерв. О, нет!

Настоящая сила должна быть подобна бурлящей горной реке. Только тогда, когда отсутствуют любые запруды, возможно истинное величие. Во мне же там, где текла мощная жила, теперь скопилось тухнувшее болотце. И я решил не дожидаться, когда оно превратится в болезненный нарыв. Я легко надавил кончиками пальцев на больные веки и выпустил из себя, как гной из раны, энергию.

«Да будет Тьма», – мысленно произнёс я привычную фразу, помогающую концентрации.

Согласно моей воле, энергия тут же приняла нужную форму. Сотворила то, что мне хотелось. И при этом я послушно не использовал тьму. Оказалось достаточно простого стихийного воздействия. Источник болезни и так разрушился. Гастон моргнул ресницами, поднял от удивления густые брови и после быстро сощурил веки. Даже полумрак комнаты показался ему чрезмерно ярким. Я же, довольно созерцая результат, сделал шаг назад под ойканье женщин.

– Никак маг? Да ещё и целитель? – восторженно залепетала ошеломлённая вдовушка и нервно вытерла руки о передник. Пожалуй, не знала куда их деть.

– Благодарение вам!

Герда стремительно бросилась передо мной ниц на колени и поцеловала руку. К счастью, Мишель не стала перенимать дурной пример сестры полностью, а потому просто робко пробормотала слова благодарности. Я же едва дождался, когда мою ладонь освободят от хватки. У меня уже создавалось впечатление, что Герда вот-вот закончит со страстным поцелуем и приступит к каннибализму! Невероятно отвратительное чувство. Стоило невероятных усилий и чудес выдержки удержать инстинкты в узде и не отпихнуть девушку ногой. Пришлось представить, что та сродни некой змеи. Двинешься – так ещё и пустит в кровь яд.

– Вы узнаете меня? – обратился я к ремесленнику, стараясь игнорировать пялящихся на меня женщин. – Я Арьнен.

– Да-а, – задумчиво протянул тот. – Узнаю. Конечно же узнаю. Ты же тот самый заносчивый цыплёнок, который знает всё лучше всех! Как мне не узнать тебя? Хотя ты... Ты ведь должно быть его сын, да? Так похож!

– Нет. Это я и есть.

– Как?! Столько лет и, – воскликнул он, а затем резко остановил свою речь, вспоминая о том, кем я являлся. Понимая, что вокруг нас ненужные слушатели. – А ну прочь отсюда, негодницы! Мужчинам поговорить надо, а вы тут уши развесили!

Замахав руками, Гастон прогнал своё семейство на второй этаж. Затем, по-хозяйски оглядел помещение, и, налив себе отвара зверобоя, сел на лавочку у камина.

– Всегда любил здесь сидеть. Тепло... Только, когда не видишь, страшно, что какой уголёк вот-вот сожжёт.

– У вас лёгкий недуг. Пусть он требует регулярной профилактики, но зато любой маг вылечить может.

– Я не стану обращаться в Орден. А кроме его служителей магов не осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.